

Михаил ЗЕМСКОВ
САКСОФОН ГАВРИИЛА

(журнальный вариант)

Продолжение. Начало в № 12, 2023.

ЧАСТЬ 2

6

Девушка лет двадцати пяти встретила нас около гардероба. Темно-рыжие волосы собраны в пучок, блеклый макияж, который, казалось, был нанесен с единственной целью – выразить максимальное безразличие к окружающему миру.

– Его нет.

– Вы уверены? – Акрам интонационно выделил «уверены» – словно тяжелым камнем на дно.

– Да, я уверена, – с равнодушной легкостью выкинула из воды камень девушка.

– Это бездумно зря... Больше у вас никаких слов для нас нет?

– Слов? – Безразличие на долю секунды сменилось тенью непонимания.

– Нет, никаких слов.

– Ну будьте здоровы тогда.

– И вам того же.

Мы с Акрамом вышли из клуба.

– Зря это они так... Бездумно зря... – задумчиво повторил Акрам.

– Может, не нужно тогда ничего. Ну, пропали очки, и пропали... – успокаиваю я – то ли Акрама, то ли себя.

– У девочки должны быть очки, – весомо возражает он.

– Куплю ей другие.

Акрам смотрит на меня непонимающим взглядом – словно я только что вышел из комы и еще не знаю, что в этом городе больше нет ни одного магазина солнцезащитных очков, а их производство давно прекращено.

– Я чувствую подъем патриотизма и считаю, что мы должны помочь экономике нашего государства в сборе налогов, – после паузы говорит он.

Мне как-то совсем нечего возразить.

Я не знаю, что заставляло Акрама время от времени играть для меня роль ангела-хранителя. В первый раз это произошло в школе. Он самым банальным образом защитил меня от немотивированной агрессии старшеклассника с химической колбой в руке. Старшак замахнулся ею на меня, Акрам пнул его в пах. У него никогда не возникало сомнений в методах ведения борьбы. Если чувствуешь, что тебя могут ударить – бей первым. Первым ударом наноси максимальный ущерб. Если противник превосходит тебя в силе – найди союзников, чтобы вместе с ними превзойти в силе противника. Всё очень просто.

– Как в остальном у тебя дела? Выглядишь посвежевшим, – Акрам макает в чай печенючку и откусывает. После неудачного визита в клуб мы с Акрамом зашли в ближайшее кафе перекусить.

– Я же у психотерапевта сейчас... лечусь. От бессонницы и кошмаров.

– Помогает?

– Вроде да – если даже ты заметил. Он гипнозом лечит. И еще под гипнозом я попал в свою прошлую жизнь, и оказалось, что я там был Иисусом Христом.

– Ну а кем еще ты там мог быть... Я бы тоже не мелочился...

– Тебе всё шутить... – устало отмахнулся я. – Хотя я и сам не очень верю. Еще в той прошлой жизни Иисуса я всё время употребляю какие-то галлюциногены.

– А что ты хотел? – возразил Акрам. – Тысячу лет назад галлюциногены были такой же частью окружающего мира, как и всё остальное. И та жизнь, в которой реальность и мистические озарения сосуществовали вместе и перетекали из одного в другое, по-моему, была гораздо симпатичнее, чем нынешняя. Какой-нибудь крестьянин нажрался случайно хлеба со спорыньей, увидел твое царство небесное, ангелов и демонов, одурел от увиденного и бегом – в монастырь и в святые. Там монахи его рассказов наслушались, срочно научили читать и писать – так он еще с десятков томов религиозных откровений понаписал. Богословы до сих пор этими томами зачитываются и восхищаются. Еще и сами сотни томов пояснений и толкований к оригиналу настрочили. Красота! Разве нет? Никто же тогда не отделял: вот, мол, эта рожь с галлюциногенной спорыньей – наркотик. Употребивший ее крестьянин – наркоман. Увиденные ангелы и демоны – галлюцинация. Крестьянин – в психдиспансер. Рожь – сжечь. Про ангелов и демонов забыть. Скукота... Та жизнь была определенно прекраснее. И ее произведениями мы, между прочим, до сих пор восхищаемся. И, слава Аллаху, до сих пор не знаем, что под глюками было создано, а что – нет. Иначе запретили бы еще и Брейгеля, и Босха, и Леонардо, а может, и всех остальных.

– Наверное, – вздохнул я и допил чай. – Может, так и было.

– Конечно, так и было – почитай Абсентиса или Маккену! – уверенно подтвердил Акрам. – О спорынье и галлюциногенах в древних культурах и религиях. Какой-то последователь Маккены, кстати, еще дальше пошел – сравнил описание манны небесной, которой в Ветхом Завете Бог Моисея кормил, с псилоцибиновыми грибами, и – оказалось очень похоже. После чего сделал вывод, что манна небесная – это и есть галлюциногенные грибы.

– Почитаю как-нибудь...

– Зря ты так скептичен... Между прочим, об этом целая теория есть – что галлюциногенные грибы на Землю завезли инопланетяне, чтобы люди смогли увидеть их миры и другие измерения. Есть доказательства и обоснования... Так что, если какой-нибудь инопланетянин под видом Бога кормил Моисея грибами под видом манны небесной – всё сходится.

– Где ты такую фигню читаешь? – я рассмеялся.

– Совсем не фигня. Всё научно – не менее научно, чем твой психотерапевт с прошлыми жизнями под гипнозом.

– Не мой он... И в последний раз я свалил от него. Наверное, больше не пойду.

– Не ходи, – легко согласился Акрам, – лучше ко мне приходи, я тебе безо всякого гипноза всю психику выпрямлю.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся я и сделал знак официанту, чтобы принес счет.

– Скажи лучше, в фитнес-клуб ты когда? Обещал на этой неделе, а я опять один хожу.

– Не получается опять. Теперь еще вот с психотерапевтом...

– Ну смотри... Надо заниматься собой.

– Да знаю...

- Ладно. Расстанемся тогда на сегодня? – Акрам отставил пустую чашку.
- Мне еще в контору надо.
- Расстанемся. Спасибо тебе.
- Пока не за что.

Выйдя из кафе, мы прощаемся и идем к своим машинам. Я думаю о том, что сегодня Акрам, несмотря на разговорчивость, непривычно погружен в себя и печален.

Отец Акрама в советское время был каким-то заслуженным чеченским поэтом. Возможно, благодаря его заслуженности, но, возможно, и по другим причинам, их семья переехала в 1991 году из Алма-Аты в Москву. Акрам сначала пошел по стопам отца – еще в школе писал какие-то рассказы, собирался поступать в литинститут. Но в неустроенные 90-е выбрал более приземленную профессию – стал нотариусом.

После поворота ключа зажигания начинает играть тихая музыка. Я наблюдаю за тем, как машина Акрама медленно разворачивается и уезжает. Вместе со звуковым сопровождением это выглядит словно длинный кадр из какой-нибудь кинодрамы. Через несколько секунд выключаю радио и звоню Маше. Она долго не отвечает. Я собираюсь повесить трубку, но тут в динамике что-то клацает, и Машин тонкий голос с уже привычным прихихикиванием в нос:

- Да, привет, как дела?
- Привет. Наверное, нормально. Как у тебя, чем занимаешься?
- Орудую бритвой, всё увереннее и увереннее.
- В смысле? – У меня неприятный холодок внутри.
- Разрезаю свое выпускное платье. Надеюсь его перешить, но не знаю, дойдет ли до этого. Разрезать гораздо приятнее. Пока режу по швам, но боюсь увлечься. Останавливает только то, что эта маленькая тоненькая безопасная бритвочка ни хрена не удобная. Хочу опасную. Тогда здесь бы уже точно куча лохмотьев была. И назвать такую кучу лохмотьев выпускным платьем было бы гораздо вернее, во всех смыслах... – строчит она.
- Почему выпускное? – прерываю я ее. – Тебе же еще учиться и учиться...
- М-м... – ее словесно-пулеметная очередь захлебывается. – Девятый класс же тоже выпускной.
- Да? В мое время один выпускной был.
- В твоё время и «сникерсов» не было.
- Я хотел тебе сказать насчет очков. Придется подождать несколько дней. Не получилось сразу решить.
- Ну ладно. Пока не буду смотреть на солнце. Не буду наслаждаться яркими лучами теплого весеннего солнца!
- Солнца почти не было в тот месяц. Только тучи – серый апрель.

– Мне тошно, сын. Тошно. Я смотрю по сторонам, смотрю себе под ноги. Брожу по тротуарам, улицам, трассам, каменным мостовым, тропинкам и непролазным джунглям. Брожу и смотрю на весь этот мир. Я взлетаю над кварталами, степями и лесами, смотрю вниз. И мне кажется, что всё, что я вижу – это всё моя блевотина, то, что когда-то исторгнулось из меня и засохло, окаменело, а потом вдруг ожило.

Во время этого монолога я два раза прошел по сцене справа налево и обратно, потом остановился в середине и обернулся к зрителям. Текст был импровизационным – я сам удивлялся всем этим возникающим во мне длинным литературным фразам и тому, как свободно они из меня лились.

Я никогда не отличался ораторскими способностями. Но сейчас говорил как будто не я, а некая отдельная эмоция во мне, и она рождала энергию и слова.

– Молодец, хорошо. Используй это, – шепотом проговорил преподаватель и подтолкнул ко мне стул.

Не выходя из образа и не теряя волну эмоции, я медленно погладил спинку стула, обошел его и сел лицом к зрителям. Тихо проговорил:

– Живое... То, что влечёт и пугает меня... Влечёт и пугает...

Потом смотрел на зрителей, встречался взглядом с одним, с другим, с третьим... Через минуту встал со стула и поклонился.

– Спасибо! – с улыбкой проговорил преподаватель. – Какой-то неожиданный финал... Но в миниатюре есть определенная мысль, драматургия и законченность.

После окончания занятия преподаватель попросил меня задержаться.

– Наша постановка будет называться «Хороший дом». Или «Веселые соседи, счастливые друзья». В общем, несколько квартир, несколько семей и персонажей. Небольшие сценки про каждого персонажа, про каждую семью. Для тебя я уже придумал персонажа. Это такой циничный молодой повеса, который вдруг влюбляется в одну девушку, и оказывается, что он вовсе не циничный молодой повеса, а очень даже романтичный и чувствительный человек. В конце он кого-нибудь спасает или совершает благородный поступок, но обязательно с ребенком. То есть в конце у него будет какая-нибудь очень трогательная сцена с ребенком – символ обновления, возрождения, ну и всего такого – в общем, понятно, да?

– А на той девушке он женится?

– М-м... – преподаватель почесал за ухом, – это вряд ли. Не можем же мы какой-то слащавый хэппи-энд тут вставлять. «И жили они долго и счастливо». Не то, не то... Но и главный акцент ведь не на их отношениях, а на возрождении твоего персонажа. Поэтому важен ребенок. Девушка не так важна, честно тебе скажу. Важен ребенок, символ. Чувствуешь мысль?

– Да, конечно. А кто будет играть ребенка?

– Мой сын. Или моя дочь. Еще не решил. Они уже играли на сцене и хорошо справятся, не беспокойся.

– Да я не беспокоюсь...

– Ну и отлично. Как подготовим с драматургом черновой вариант, я принесу его тебе показать, и потом начнем работать. Готов?

– Думаю, да.

– Ну и отлично, – он широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу. – Будем скоро блистать на сцене.

7

У психотерапевта я оказался на следующий день, меня к нему отвела Лена. Мы сидели с ней на стульях перед Игорем Ивановичем. Молодые, высокие, на высоких стульях. Напротив через стол сидел Игорь Иванович, молодой, низкий, в низком кресле.

– Да, это было очень неправильно, – усталым голосом говорил Игорь Иванович. – Моя вина в этом тоже есть. Нужно тебя в более глубокий гипноз вводить, на более глубоком уровне работать, чтобы ничто не могло тебя вырвать из прорабатываемого состояния. Ну ничего, есть и положительный момент, – он вдруг взбодрился, встал из-за стола и, сведя вместе ладони «домиком», прошелся по комнате, – тебе сегодня будет легко войти именно в ту ситуацию, и мы сможем заново ее проработать. Всё исправим, не беспокойся.

Я действительно быстрее обычного оказался в том пространстве, из которого сбежал в прошлый раз. Снова давила ломкая жара. Я снова лежал на земле.

– Ты уже распрощался с тем непонятным существом, в котором увидел дьявола? – спросил Игорь Иванович.

– Да.

– Но ты хорошо помнишь, что происходило в течение последних нескольких минут?

– Да.

– Отлично. Это были тяжелые события для тебя, и сейчас мы изменим ту ситуацию и обратим ее в твою пользу. Для этого давай вспомним, почему ты оказался здесь и зачем пришел в пустыню. Ты почувствовал, что тебе нужно дальнейшее саморазвитие и хотел в уединении позаниматься медитацией и психоэмоциональным аутотренингом, для чего и пошел в пустыню. Но пустыня ведь не самое лучшее место для медитаций, потому что здесь очень жарко и печет солнце. Кроме того, ты много времени не ел и не пил, и еще съел какой-то галлюциногенный препарат. Всё это привело к тяжелым и страшным галлюцинациям, как говорится у наркоманов, у тебя случился «бэд трип». Кроме того, ты продолжаешь оставаться под жестоким воздействием солнечных лучей и испытывать жажду и голод. Но сейчас мы вернемся в тот момент, когда ты только собирался идти в пустыню медитировать...

Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги, потом – по сторонам. Где ты сейчас находишься?

– Я у реки. Я в последний раз смотрю на реку и поворачиваюсь, чтобы идти в сторону бело-желтых холмов. Там – пустыня, где я смогу быть один...

– Подожди. Зачем мучиться и терпеть, когда можно не мучиться и не терпеть? Мы найдем тебе более удобное место для медитаций. Представь, что ты идешь не в сторону пустыни, а вдоль реки, и через некоторое время ты видишь шатер с удобным ковриком для медитаций. Ты видишь такой шатер?

– Да, я вижу шатер, крытый белым балдахином. Внутри ковры и подушки.

– Замечательно. Никто не знает об этом месте, и никто не сможет помешать тебе здесь в твоей медитации. Недалеко от шатра бьет ручей с чистой водой – если ты захочешь пить, а в реке много рыбы – если ты захочешь есть. Но ты можешь и попоститься, если захочешь. Тебе нравится это место?

– Да, мне очень нравится это место.

– Теперь ты будешь здесь медитировать?

– Да.

– Хорошо. Еще посмотри на свою одежду и вещи, которые у тебя с собой, и обрати внимание на то, что у тебя нет мешочка с порошком, и ты будешь медитировать только в ясном сознании, без использования каких-либо препаратов, оказывающих галлюциногенное воздействие.

– Да, я осмотрел свою одежду, у меня ничего нет.

– Отлично. И теперь твоя предстоящая медитация будет наполнена ясностью, спокойствием и осознанностью. Ты доволен тем состоянием, в котором остаешься в этой ситуации?

– Да, я в предвкушении приятной медитации и всем доволен.

– Замечательно. И тогда мы можем выйти из этой ситуации и переместиться в новое место во времени и пространстве, которое важно для тебя. Раз, два, три, четыре, пять...

Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. Во что они обуты?

– Я не вижу, их скрывает материя моей длинной одежды.

– Хорошо. Тогда посмотри вокруг, что ты видишь?

– Вижу озеро, невысокие горы за ним. На озере рыбацкие лодки. Одна из лодок причаливает к берегу. В ней двое мужчин. Я узнаю их – это те два брата, которые обижали меня в детстве, Петр и Андрей. Сначала я чувствую привычный страх, потом какое-то новое сильное и прекрасное чувство наполняет меня. Это как безудержный кураж. Я понимаю, что они – первые, чьи души мне нужно воскресить, спасти и отвести в Царство Небесное. Если я смогу сделать так, что эти два мои врага из детства изменятся и переродятся для того, чтобы узреть сады Царства Небесного – значит, я смогу сделать то же с любым на Земле. Я достаю щепотку порошка и слизываю ее. Окружающее становится очень объемным и немного подрагивающим, по нему словно проходит рябь, как по воде озера. Я начинаю свидетельствовать любовь. Петр и Андрей толкают лодку к берегу, достают из нее сети. В сетях – мелкая рыбешка. Судя по всему, сегодня у них улов небольшой. «Рыбка-рыбка... – бездумно повторяю я, подходя к ним, – рыбка-рыбка...» – и свидетельствую любовь, которой наполнено все вокруг. «Рыбка-рыбка...» Андрей с подозрением смотрит на меня. И тогда я с блаженной улыбкой говорю ему: «Плох улов сегодня, ибо не то ловите. Лизните», – и протягиваю каждому по щепотке порошка. Андрей лижет. Петр смотрит на него с подозрением, потом берет щепотку на свой палец и тоже слизывает. «Идите за мной, и я сделаю вас ловцами человеков», – я смотрю на Андрея и на Петра. Окружающее продолжает рябить, а я продолжаю свидетельствовать любовь. И тогда Андрей с Петром оборачиваются к своей лодке, бросают в нее сеть с мелкой рыбешкой и возвращаются ко мне. Я иду дальше вдоль берега, и они следуют за мной, ничего не говоря.

– Хорошо, давай проанализируем эту сцену, – негромко проговорил Игорь Иванович.

– Я еще вижу трех рыбаков невдалеке. Они сидят около своей лодки и чинят сети. Двое из них молоды, а третий стар. «Как вас зовут?» – спрашиваю их я. «Это Зеведей и его сыновья, Иаков и Иоанн» – сообщает мне Петр. Я подхожу к ним и протягиваю порошок. «Лизните, это как манна небесная», – говорит им Петр. Иаков и Иоанн слизывают, а Зеведей отказывается и бранится на Петра. «Хотите стать ловцами человеков?» – спрашиваю я, снова во всей мере свидетельствуя любовь. «Нет. Что такое странное говоришь ты, пришлый человек?» – недовольно бурчит Зеведей. Но Иоанн смотрит на меня полным восхищения взглядом и говорит: «Да, хотим стать ловцами человеков, научи нас». – «Идите за мной», – говорю я им и снова держу путь вдоль берега, Петр и Андрей – за мной. Иоанн и Иаков бросают сети и догоняют нас. Зеведей сердито кричит что-то им вслед, но они не отвечают. Я чувствую радость. Понимаю, что никогда в жизни не чувствовал себя так легко и хорошо. Никогда не был так спокоен. Если первые четыре пошли за мной, пойдут и другие. Если своего злого и жестокосердного врага смог я обратить, обращу и других. Значит, действительно, дух Господа на мне, и Господь помазал меня благовествовать нищим, послал исцелить сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы. Я слышу пение птицы и сам начинаю петь и танцевать. Петр с Иоанном смеются и тоже поют и танцуют со мной.

– Хорошо, давай на этом остановимся, – вкрадчивый, но настойчивый голос Игоря Ивановича. Я остановился.

– В этой ситуации наглядно видно, как в той жизни окончательно сформировалась твоя зависимость от наркотических веществ. Тебе уже трудно

радоваться жизни без некоего порошка, о котором ты говоришь. Ты уже не можешь подойти и заговорить с людьми без того, чтобы не принять дозу. Наркотик становится необходимым средством для твоей социализации. Более того, ты подсаживаешь на наркотики других людей. Поэтому нужно абсолютно безжалостно вычистить все возможные подсознательные связи с теми ситуациями в твоей прошлой жизни, где наркотики играли важную роль. И сейчас мы снова войдем в то время и пространство и переработаем происшедшее. Итак, ты снова на берегу озера, видишь рыбаков. У тебя нет никакого порошка, твое сознание не замутнено никакими наркотическими или алкогольсодержащими веществами, оно кристально чисто. И дальше ты действуешь в совершенно трезвом состоянии. Ты знакомишься с рыбаками, спрашиваешь об улове. Ты это видишь?

– Да. Я подхожу к рыбакам. Это мои бывшие соседи, которые обижали меня в детстве. Сейчас я не боюсь их, но мне неприятно их видеть и общаться с ними. Я чувствую неуверенность, которая управляет мной. Я здороваюсь с ними. Они здороваются со мной в ответ. Я хочу как можно быстрее расстаться с ними. Желая им удачной рыбалки и ухожу.

– Очень хорошо.

– Но вдруг я останавливаюсь и смотрю на озеро. Что-то беспокоит меня в нем. В поверхности его воды. Оно тянет меня к себе.

– Подожди, подожди...

– Как будто вода его живая и густая. Мне хочется бежать к нему и идти по его воде, как по земле. Я уверен, что вода поддержит меня. Я собираюсь бежать к нему и идти по его глади...

– Нет, погоди. Стоп! Сейчас нам нужно завершить исправление текущей ситуации. Ситуацию с морем мы можем разрешить в следующий раз. Поэтому ты заканчиваешь разговор с рыбаками и уходишь от них. После этого мы выходим из данной ситуации. Ты закончил разговор и ушел от них?

– Да, я закончил разговор и ушел от них.

– Очень хорошо. Мы исправили эту ситуацию и убрали из нее все, что связано с социализацией, обусловленной наркотической зависимостью. Это важный момент в истории твоей жизни. Теперь пришло время выйти из той ситуации и одновременно с этим выйти из состояния гипноза. После окончания сеанса ты окажешься здесь, в кабинете психотерапевта, в удобном кресле. Ты почувствуешь себя обновленным, взбодренным, полным энергии и сил для новых дел. Итак, я начинаю считать. Один, два, три, четыре, пять.

Щелчок пальцев.

Я открыл глаза. Чувствовал себя совсем не обновленным, не взбодренным и не полным энергии и сил.

Игорь Иванович тоже выглядел уставшим и недовольным.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Честно говоря, как-то не очень.

– Да, такое может быть. Внутреннее сопротивление. Прорабатываем важные ситуации, которые оставили много последствий и привязок во всех последующих жизнях. Конечно, теперь все эти связи разрушаются. А разрушаться, естественно, не хотят – сопротивляются. Так что это серьезная работа. А ты думал... Надо работать. Вместе, поддерживая друг друга. Ничего, всё проработаем, через всё пройдем и вылечим тебя. Сам знаешь, какой у меня опыт...

Я поднялся с кресла:

– Да, конечно. Я пойду. До свидания.

– До свидания, Илья.

В дверях я обернулся:

– Игорь Иванович, мне кажется, вас не очень удивило, что я в прошлой жизни оказался Иисусом...

– Нет, почему... – он как будто немного смутился, – удивился, конечно. Еще как удивился. Просто... Ну... как профессионал, я не должен такое показывать.

– Да, понятно.

Я вышел из кабинета.

Меня самого совсем не удивляло, что в прошлой жизни я, возможно, был Иисусом Христом. Скорее всего, меня это не удивляло потому, что я сам не до конца верил в гипноз и реальность моих видений. Кто знает – может быть, то, что происходит со мной на сеансах Игоря Ивановича – это просто сон, в который он меня погружает, и я вижу яркие сновидения с интересным сюжетом. Или, может быть, Игорь Иванович действительно погружает меня в гипноз и под гипнозом внушает мне эти образы и сюжеты – чтобы самому потом на основе моего случая написать какую-нибудь сенсационную научную работу и прославиться. Список подобных версий можно было бы продолжать. Однако в те моменты, когда мои сомнения замирали и я готов был поверить в реальность происходящего – в перерождение душ и в то, что в прошлом я прожил уже много жизней, в одной из которых был Иисусом Христом – меня это всё равно не удивляло. Как будто в подсознании я всегда это знал, и знание это хранилось где-то в подкорке моего мозга многие годы, многие жизни, и продолжало бы там незаметно храниться, если бы Игорь Иванович не вытащил его оттуда. Иногда мне даже казалось, что я слышу явственный голос внутри: «Ну и был ты Иисусом Христом, ну и что? Может, еще кем-то замечательным был, или, наоборот, незамечательным... Может, ты и Гитлером был, или Джимом Моррисоном, как тебе самому хотелось бы представлять. А может, и незамечательным и бездарным бомжем-алкоголиком в канаве... Какая разница? Что это меняет? Всё это в прошлом, а тебе сейчас жить новую жизнь, в которой всё по-новому, непредсказуемо и неопределенно. Какая разница, что было в прошлом?» Я пожимал плечами, корчил неуверенную мину и легко соглашался со своим внутренним голосом. Какая, действительно, разница?

– Чего ты испугался?

Мы сидели с Машей на открытой террасе кафе.

– Я? – переспросил я глупо, оттягивая время для ответа. Не люблю, когда меня обвиняют в трусости. И не знаю, что отвечать на такие обвинения. Я ведь действительно иногда труслив – если честно. – Ну... Это же типа педофилия... Лолита, Гумберт Гумберт... – усмехнулся я.

– В общем, ты не Гумберт Гумберт?

– Думаю, нет.

– М-м, жаль.

– Почему?

– Не оправдал мою вечную надежду на Гумбертов, – Маша достала из сумочки бутылёк с таблетками.

– Зачем тебе надежда на Гумберта? – с некоторой неприязнью спросил я.

– Очень сексуальная модель отношений, разве нет? Невинность совращает искушенность.

Я пожал плечами:

– Ну... и не только из-за этого. Всё-таки мы еще не познакомились с тобой достаточно близко, не возникло взаимного притяжения, любви...

– Да? – Маша посмотрела на меня то ли растерянно, то ли с удивлением.

– Да, наверное...

– Ты так неуверенно говоришь. Как будто действительно сам ничего о себе не знаешь.

– Серьезное заявление... – я решил придерживаться полушутливого тона. – А ты не слишком ли самоуверенна для своего возраста?

– При чем тут возраст? По-моему, люди очень наивно полагают, что возраст имеет значение.

– Возраст связан с опытом. А опыт действительно имеет значение.

– Уже нет. Не в эпоху информационной революции. И вообще – между опытом и озарением, как двумя способами познания мира, я безусловно выбираю озарение.

– Где ты всего этого нахваталась?

Маша обиженно надула губки и отвела потускневший взгляд.

– Нет, в самом деле, – я взял ее за руку, – меня удивляет, что девушка в твоём возрасте говорит на такие темы, еще и такой хорошо поставленной речью...

Она слегка пожала мою ладонь.

– Опять ты о возрасте... Ну хорошо. Тогда мне, наверное, нужно признаться, что мне не пятнадцать, а семнадцать. Хотя не вижу, что это меняет.

– Семнадцать? Но ты выглядишь на четырнадцать! – еще не веря, воскликнул я.

– Знаю. Поэтому и говорю так иногда. Это забавно и даже дает иногда некоторые преимущества.

– Детские билеты?

Она посмотрела на меня взглядом, в котором явно читалась фраза: «Дядя, ты дурак?», потом вздохнула, сложив губы трубочкой, и, отвернувшись, безмятежно произнесла:

– Да, и билеты тоже.

– Так получается, в этом году у тебя действительно выпускной?

– Да. Грёбанный выпускной. Но у меня будет шикарное платье.

Я рассказал Маше о психотерапевте и о том, что в прошлой жизни вроде как был Иисусом.

– Прикольно, – усмешечка на губах, но их уголки при этом удивительным образом опущены вниз.

– Да, наверное, можно и так сказать, – согласился я.

– И что, у тебя сейчас типа второе пришествие, и тебе пора начинать страшный суд и все такое?..

Я мрачно посмотрел на нее:

– Да, особенно «всё такое»...

– И что теперь тебе делать?

– Да ничего. Что в этом вообще такого? Если перерождение душ существует – значит, Иисус перерождался уже сто раз, и ничего особенного в этом нет.

– Ну, может, он перерождался в различных святых людей – Франциска Ассизского там, или Марию Терезу. Тогда, значит, тебе тоже нужно стать святым.

– Какой, к черту, святой в наше время. Сейчас делать святых – удел пиарщиков.

– Ты не Иисус, – резко выдохнула Маша.

– Почему? – Мне неожиданно стало обидно.

– Слишком часто поминаешь чёрта.

– Блин, зачем я только тебе рассказал... Теперь ты достанешь меня своими подколами.

– Нет. Тем более, что в тебе действительно что-то такое... христианское... Отказаться переспать с молоденькой девчонкой, потому что... Как ты там сказал?... «В нас еще недостаточно любви?»

– Это опять подколот?

– Нет, – вдруг совершенно серьезно ответила она, – если честно, то... то я даже не знаю, что сказать... Я... немного шокирована.

– Илюша, ты гений! – Лена обняла и расцеловала меня, даже не дав поставить на пол коробку.

– Значит, сегодня исправится фэн-шуй, и всё будет зашибись? – улыбнулся я, когда мы прошли в кухню.

– Да, всё будет еще больше зашибись, чем раньше, – с готовностью подтвердила Лена. – А главное – твой сон.

– Вообще-то мне и так лучше спится последние дни.

– Я заметила. Это наверняка благодаря твоим сеансам с Игорем Ивановичем.

После ужина я распаковал новый телевизор. Отключил старый и оттащил его на балкон. Вслед за ним можно было убирать и тумбочку.

– Тебе помочь? – улыбнулась Лена, сидевшая в ожидании на диване.

– Давай, – улыбнулся я в ответ. Тумбочка, насколько я помнил, была не из легких.

Лена взялась за противоположную сторону, и мы осторожно подняли ее и понесли к балкону – Лена впереди, я – сзади. Вдруг тень беспокойства и тревоги набежала на ее лицо. Я посмотрел туда, куда был направлен её взгляд. У стены, которую закрывала тумбочка, лежало пять вилок.

«Что-то не так, Маша», – написал я в скайпе под аватаром, на котором была изображена мультипликационная восточная принцесса.

Полпятого ночи. Часы на стене тикают почти не слышно, но громче, чем днем. У меня снова бессонница.

«Что-то так не так, что зубы сводит и знобит», – написал следующее сообщение, не ожидая ответа.

«Да брось», – короткий хлесткий ответ от нее. Мне стало неприятно – какого чёрта жалуюсь... И кому... Что я могу ей написать? Что она может понять?

«Позвонить можно?» – следующее сообщение от Маши.

«Да. Только я буду говорить очень тихо».

Трель скайпа. На экране появляется темный квадрат. Маша в той же темной комнате. Освещаемая светом монитора, слегка размытая фигура. Кажется, что она сама светится, границы силуэта нечеткие. Грызет орешки, которые берет из неглубокой чашки. Ничего не говорит.

– Привет, – почти шепотом произношу я первым.

– Привет, – вторит она.

Снова молчание.

– Ты неразговорчива сегодня. Совсем не так, как обычно, – говорю я.

– Думала, что ты хочешь чем-то еще со мной поделиться. И, честно говоря, всё время думаю о том, что ты рассказал мне в прошлый раз.

– Нет, сейчас о другом. У нас было семь вилок. Пять пропали. Сегодня я нашел эти пять пропавших вилок за тумбой в гостиной, – сразу выкладываю всю душераздирающую историю.

– Хреново.

– Что? – не понял я. – Почему? С чего ты сразу делаешь какой-то вывод, как будто всё знаешь об этой истории? Знаешь больше, чем я?

– В моей профессии важно быть тактичным и сочувствующим слушателем. Слово «хреново» показалось мне наиболее подходящим, чтобы проявить тактичное сочувствие в этой конкретной ситуации.

– Какой профессии... Что за бред ты несешь?..

– Хорошо, давай сначала. Я подберу другое слово.

– Ты безумна, – усмехнулся я. – Но мне, по-моему, действительно становится лучше.

– Думаю, не более безумна, чем то, о чем ты рассказываешь. Зачем она их туда спрятала?

– Кто?

– Твоя девушка. Из построения твоей фразы следовало, что ты их туда не клал. Значит – она.

– Всё верно. Только она их тоже туда не клала, и она в ещё большем шоке, чем я. Учитывая, что она более склонна верить в потусторонние силы, призраков, барабашек и прочие штуки.

– Одно не исключает другого.

– В смысле?

– Чудеса даются легче тем, кто в них верит. По-моему, так. У тебя за спиной, кстати, какой-то призрак.

Я резко обернулся. У двери стояла Лена, щурила глаза от света монитора.

– С кем ты разговариваешь?

– Да так... Ни с кем, – сглотнув слюну, я быстро отключил скайп.

– Та малолетка... – в голосе Лены вдруг не осталось ничего, кроме тяжелой холодной стали.

– Н-нет...

– Я же видела, – Лена развернулась и вышла из комнаты.

Рассвет я встречал, стоя в одиночестве у окна. Лена – закрывшись в ванной комнате. НЛО – покачивалось вдалеке, в просвете между высотками перед моим окном. Похоже на маленькую дыню-торпеду, с двумя огоньками по бокам.

«Это просто не то, что ты подумала».

«Это просто недоразумение».

«Это просто случайная знакомая, между нами ничего нет».

«Это просто ничего не значащий трёп в Интернете».

Я возвращался домой поздним вечером следующего дня. Во всех этих фразах меня больше всего привлекало слово «просто». Ведь действительно – всё так просто. Просто произошло. Просто продолжает происходить. Да и вообще – вся жизнь простая штука, если разобраться и если не усложнять ее самому. Не искать скрытые смыслы, мнимые причинно-следственные связи, подтексты, намеки.

Собрал стул – и седи на нём.

Собрал стол – ешь на нём.

Собрал кровать – спи на ней.

А причинно-следственные связи... Разве бывает только одна причина? Разве бывает только одно следствие? И разбираться в них всех – обязательно хоть раз пойдешь по ложному следу. И чаще – не раз... Вот попробуй разберись, почему я разговаривал с Машей в ту ночь. И до этого. Попробуй

разобраться в истории с её очками. Самый гениальный психотерапевт – хоть даже Игорь Иванович – не распутает всё и не объяснит.

– Это просто не то, что ты подумала...

– Я ничего не думала. И, честно говоря, не хочу ни о чем думать.

– Да это просто недоразумение, о котором нечего думать... Давай...

– Недоразумений не бывает, Илюша. Бывает только неискренность.

– Неискренность? Но я тебе искренне говорю – это просто случайная знакомая, один из игроков в стрелялку, в которую я играю.

– Девчонка играет в стрелялку?

– А почему нет? – пожал я плечами, но как-то не очень уверенно. – Во всяком случае, так оно и было. Мы в одной перестрелке случайно познакомились.

– Как романтично... Как её зовут?

– Маша. Но какое это имеет значение?

– Маша... – задумчиво повторила Лена. – Да, наверное, никакого.

Мы замолчали. Потом я положил руку ей на плечо. Оно оставалось каменным.

– Прости. Это действительно ничего не значащая ерунда, – я неловко обнял ее.

– Хочу в это верить, – каменность немного отступила, в тело вернулись гибкость, движение и тепло. Лена осторожно обвила мою шею рукой.

Но за ужином, после того как Лена достала из шкафчика вилки и положила их рядом с тарелками, вдруг снова возникли натянутость и напряжение. Ели, обмениваясь редкими, грамматически выверенными, фразами.

Потом, лёжа на переставленном по правилам фэн-шуй диване, смотрели новый телевизор.

Когда Лена застлала постель, я обхватил её сзади и, зарывшись лицом в длинные волосы, прошептал:

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже, – успела проговорить Лена перед тем, как мы, потеряв равновесие, рухнули на свежую простыню. Случившийся за этим необузданный половой акт стал самым ярким за всю историю наших с Леной сексуальных отношений.

8

Раз, два, три, четыре, пять...

– Я стою на склоне небольшой горы. Вокруг и ниже меня на склоне много людей. За ними – озеро, как на ладони, за озером, вдалеке – невысокие горы. Ближе всего ко мне стоят двенадцать мужчин. Я выбрал их из числа моих учеников. Это самые близкие и преданные мне люди. Я назвал их проповедниками. Я говорю им и людям за ними:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

Кто-то радостно улыбается. Кто-то оглядывает остальных с надеждой и воодушевлением.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся», – продолжаю я.

Многие начинают плакать от счастья.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся, объев истину.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...

Но горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение на земле. Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете... Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете. В Царстве Небесном будут править добрые и смиренные, обиженные и кроткие. И то царство, в отличие от земного, будет вечным...

Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ибо их удел – горше вашего.

Ударившему тебя по щеке – подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду – отдай и рубашку.

Не судите и не будете судимы. Прощайте, и будете прощены.

Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте сокровища на небе.

Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Многие плачут. Многие рвут на себе одежды, обещая быть совершенными, как совершенен Отец на Небе. Обещая не собирать сокровищ на земле. Обещая подставлять щеки и отдавать рубашки. На мои глаза тоже наворачиваются слёзы. Но внутри, в самом сердце, жжет горечь. Тихий, но твердый и отчетливый – как будто посторонний – голос внутри говорит, что недолго они будут совершенными. Недолго будут любить врагов, подставлять щёки и отдавать рубашки. Я очень хочу, чтобы этот голос был чужим. Хочу убедить себя в том, что это голос сатаны. Но глубоко в сердце знаю, что это мой голос, и я не могу обманывать себя. Я отворачиваюсь и иду прочь к деревьям на вершине горы. Горечь внутри жжёт всё сильнее. За деревьями мне мерещится блестящий шар с мигающими огнями по бокам, который я уже видел однажды, но, когда подхожу ближе, вижу только розовые отблески заходящего солнца на голых стволах. Горечь внутри меня становится невыносимой. Я падаю на землю и трусь лбом о жесткую траву.

– Хорошо, понятно. Давай теперь исправим эту ситуацию... Давай исправим эту ситуацию... – повторил Игорь Иванович задумчиво, словно не зная, что говорить дальше. – Исправим... эту ситуацию... Ты разочарован... Ты опустошён... Твои ожидания от людей не совпадают с реальностью. Что ж... Это частый повод для разочарования. Мы всё время строим иллюзии. Мы очаровываемся, мы разочаровываемся, обижаемся на друзей, негодуем против врагов. Но это всё – иллюзии и игра нашего ума. То мы думаем, что стакан наполовину полон, и радуемся этому. Потом думаем, что он наполовину пуст, и расстраиваемся. И часто даже не задумываемся о том, что в этом стакане – яд или вино? Именно поэтому нам лучше всего вообще не оценивать окружающих людей. Не пытаться переделать их или изменить. История человечества наглядно демонстрирует одну безжалостную истину: идеалисты, пытавшиеся осчастливить людей и изменить человечество, принесли ему гораздо больше страданий, чем кто-либо другой. Человеку нужен государственный кнут и государственный пряник. Всё остальное рано или поздно, тем или иным путем, превращает его в чудовище. Освободившего человека идеалиста всегда ждет только крах и самоубийство – в том или ином виде. Сейчас тебе пришлось принять первую отравленную пилюлю. Если оставить всё так, как есть, будет ещё много таких пилюль, и они в конце концов убьют тебя. Поэтому мы сейчас переработаем эту ситуацию. Ты стоишь среди людей и среди своих учеников. Возможно, они что-то ждут от тебя – какого-то поучения, наставления-инструкции, как жить. Не понимая, что никакие инструкции от стороннего человека не изменят их внутренний мир, не избавят от косности и лени, от бесконечной инерции жизни. Только они сами могут что-то изменить в себе, а любое внешнее воздействие всегда поверхностно и временно. Они этого не понимают, но ты понимаешь. Поэтому ты ничего им не говоришь.

Хотя... Ты можешь сказать, что они сами творцы своей жизни и только сами способны изменить в ней что-то. Это будет самым честным поступком для тебя в данной ситуации. Скажи, что ты сейчас видишь.

– Я вижу людей, стоящих около меня, озеро за ними – как на ладони, и за озером – невысокие горы. Люди смотрят на меня и молчат. И я молчу. Мне бесконечно жаль этих мужчин, женщин, детей, стариков, но я понимаю, что ничем не могу им помочь. Временное утешение – единственное, что я мог бы дать этим несчастным, но я понимаю, что оно – ложь. Я ничего не говорю, потом иду с холма вниз. Люди расступаются передо мной. Я иду с холма к дороге в Тивериаду и небольшому саду за ней. Пройдя через сад, выхожу к озеру. Хочу войти в его прозрачную, слегка прохладную воду, нырнуть в неё с головой и раствориться в её свежести. Но моя нога ступает по плещущейся ряби, как по тверди. Я не могу погрузиться в воду и шагаю по ней как по земле, быстрее и быстрее. Бегу по мелким волнам прочь, мимо рыбацких лодок, к широкому простору водной глади, к горам на противоположном берегу...

– Нет-нет, подожди, ты не глотал никаких порошков, твое сознание кристально чистое, у тебя нет никаких галлюцинаций. Ты просто купаешься в озере. Вернись немного назад. Ты спустился с холма в сад, потом идешь купаться в озере. Приятная прохладная вода расслабляет твое тело. Тебе очень приятно погрузиться в прозрачную прохладную воду и плавать в ней. Почувствуй, как приятная, слегка прохладная вода струится, плещется вокруг тебя и омывает твоё тело. Ты это чувствуешь?

– Да, я чувствую, как погружаюсь в приятную, прозрачную и слегка прохладную воду.

– Отлично! Твое тело наполняется легкостью и свежестью. Оно абсолютно расслаблено и легко колыхается на волнах. Ты чувствуешь легкость и свежесть, легкость и свежесть...

– Игорь Иванович, а вы верующий человек? – спросил я после окончания сеанса.

– Конечно! – с готовностью ответил он, как будто даже с некоторой интонацией возмущения в голосе – мол, как я мог сомневаться, – я глубоко православный человек. Без этого в моей профессии вообще нельзя. А то сколько демонов вокруг – заключают! – психотерапевт рассмеялся.

– Но в христианстве ведь, кажется, нет переселения душ, реинкарнации и тому подобного...

– Ну как сказать... Некоторые святые отцы церкви принимали переселение душ как нечто возможное. Ориген, например, открыто утверждал, что переселение душ есть, и всё тут! Я не лезу во все эти догматические споры, дискуссии. Я же не философ, не богослов... Мое дело маленькое. Помогать людям. Но в церковь хожу регулярно. Исповедь, причастие – знаешь, как в моем деле спасают!

– Люди исповедуются вам, а вы потом – священнику...

– Да, так и есть, так и есть... – усмехнулся Игорь Иванович.

– А то, что вы христианин, не мешает вам в сеансах со мной? Ведь если всё действительно правда, то выходит, что когда я в гипнозе, вы фактически напрямую с Иисусом общаетесь.

– Ну... Я бы так не выражался, – возразил Игорь Иванович, в то же время покраснев и расплывшись в улыбке от удовольствия. – Всё не так однозначно. Мы не до конца уверены во всех сложных механизмах происходящего.

Для меня главное – помочь тому человеку, который сидит передо мной, то есть в нашем случае – тебе.

– Но, если я правильно понимаю, то, чтобы помочь мне, вы меняете того человека в прошлом, и, если он был Иисус, в каких-то ситуациях вы лишаете его чудес, лишаете возможности проповедовать. Может быть, этим вы вообще лишаете его сущности мессии...

– Боже мой, какие громкие слова! – всплеснув руками, Игорь Иванович рассмеялся. – Ты меня прямо вселенским демиургом представил! Приятно и лестно, конечно, но – увы, ничего я не меняю, кроме того, что в этой вот коробочке, – он повертел указательным пальцем в направлении моей головы, – и то ещё под вопросом... Всё, с чем мы работаем, только внутри тебя. Твоё подсознание, твои образы. Больше ничего нет. И помочь тебе – единственная моя задача и цель.

– Но откуда-то ведь все образы во мне есть. И если вы изменяете сущность того меня, в той жизни, значит, вы изменяете сущность меня настоящего?

– Ну... Не только, и не совсем, – Игорь Иванович нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла, – но, впрочем, можно и так сказать, наверное.

– Но если вы меняете сущность Христа во мне том, в той жизни – значит, и во мне настоящем эта сущность меняется и теряется.

– Ну-ну, не святотатствуй! – улыбнулся Игорь Иванович. – Посмотрите-ка, сущность Христа в нём... – хлопнул руками по подлокотникам, – это какую смелость надо иметь, чтобы такое сказать... Но я тебя разочарую. Вся теория и практика регрессивного гипноза показывает, что человек под гипнозом в своих прошлых жизнях видит очень разных личностей – и в мужском, и в женском теле, в одной жизни может быть насильником, в другой – святым, в третьей – рядовым обывателем. Более важными оказываются те сложные ситуации, в которые попадает человек в каждой жизни и которые мы вместе прорабатываем, чтобы исправить их след и влияние в настоящем времени.

– Неужели не имеет никакого значения, кем я был в прошлой жизни?

– Конечно, имеет. Ведь от этого зависит, в какие сложные ситуации ты попадал, и, значит – то, с чем нам предстоит иметь дело и прорабатывать.

– Я не совсем в этом смысле...

– Да? – Игорь Иванович посмотрел куда-то вверх. – Ну что же... Конечно, всё имеет значение, в самых разных смыслах... Прости, мне сейчас ещё нужно подготовиться перед следующим клиентом, – он хлопнул в ладоши и поднялся с кресла.

– Да, извините, – я попрощался и вышел из кабинета.

Ближе к вечеру я позвонил Лене и предложил поужинать в кафе.

– Здорово! Романтичный ужин в ресторане...

Я что-то промямлил, понимая, что это вовсе не романтичный ужин. Я просто не хотел идти домой. Боялся идти домой? Нет, я не боялся идти домой. Но чувствовал себя очень некомфортно, думая о том, что мне нужно идти домой. Я не хотел идти домой.

Мы заказали феттучини. Разговор не клеился.

– Я боюсь идти домой. А ты не боишься идти домой? – наконец прокарябал я фразу – словно гвоздем по стеклу.

– Да, Илюша, мне тоже как-то не по себе. Я даже почти не сплю последние дни. Просыпаюсь от любого шороха. Как будто боюсь, что ты ночью ткнешь меня вилкой. Ты боишься того же самого?

– Что я ткну тебя вилкой?

– Илюша, у тебя замечательное чувство юмора, но я серьёзно...

– Да, я тоже боюсь, что ты ткнешь меня вилкой. Хотя мы ведь всё обговорили. Ты не клала туда эти вилки. Я не клал туда эти вилки. У нас всё хорошо, мы любим друг друга и нам классно вместе.

– Илюша!..

– Извини... Честно говоря, я удивляюсь твоему спокойствию. Да, мы договорились, что, наверное, кто-то из гостей поскидывал за тумбочку наши вилки ради прикола. Но это бред. Бред! Неужели ты на самом деле спокойна?

– Я не спокойна. Я же сказала, что не сплю и боюсь. Но я пытаюсь при этом быть матерью всех матерей, очень пытаюсь.

– Что за мать всех матерей?

– Так... Ерунда... Придуманный мною по совету психотерапевта образ женственности. Я представляю в своем воображении, что мое предназначение в этой жизни – быть матерью всех матерей. Я сижу где-то на возвышении, в длинных бордовых одеждах, а все молодые матери приходят ко мне за советом. Более того, про себя я говорю, что я еврейская мать всех матерей. Тогда во мне становится ещё больше женственности. Здорово, да? Очень помогает успокоиться.

– Да, впечатляющая картина...

– Но я боюсь. И я согласна на барабашку.

– В смысле? – я с тревогой посмотрел на неё.

– Я согласна поверить в то, что у нас в квартире живет барабашка, и что это он побросал туда все вилки.

– Ты доверяешь мне?

Лена вздохнула и ничего не сказала. Официант принес феттучини. Лена воткнула в них вилку.

– Наверное, это странно, Илюша, но я в большей степени не доверяю тебе с малолеткой Машей, чем с этой дурацкой историей таинственного перемещения столовых приборов.

Феттучини оказались превосходными. Лена тоже это отметила:

– Я и не думала, что в какой-то простой кафешке рядом с нашим домом могут быть такие феттучини...

– А этот образ женственности, матери всех матерей – о котором ты говоришь, что тебе психотерапевт внушил – не из-за него у тебя тогда плохой сеанс был, с удушьем, когда не так всё пошло?

– Нет-нет. Про женственность он не внушал, просто советовал. А на том гипнозе, наоборот, слишком хорошо всё пошло, слишком... Погрузилась так явно, что до сих пор мороз по коже, как вспомню.

– Что такого страшного было в той твоей жизни?

– Страшного? – Лена бросила на меня странный взгляд и отложила вилку. – Меня сожгли христиане – за то, что я была еврейкой.

– В каком смысле?

– В самом что ни на есть прямом. Я погрузилась в ситуацию из прошлой жизни, в которой христиане сжигали меня на костре, и погрузилась очень глубоко. Гарь и запах собственного горящего тела вызывают невероятный приступ удушья. Это никогда уже не забыть. Никогда. Чёрт, конечно, нужно было это все проработать – долго, кропотливо переработать всю эту ситуацию, пусть понадобилось бы десять, двадцать, сто сеансов регрессии. Но невозможно... Я не смогла. Я не могла даже на один сеанс согласиться. Не могла согласиться на то, чтобы почувствовать этот запах снова.

– Извини... Ты была в той жизни ведьмой?

– Вряд ли. Просто еврейкой, которая по своей дурости однажды крестилась. Тогда этого было достаточно. Точнее, была одна такая волна инквизиции в Испании, когда какой-то священник-параноик решил, что еврейки не просто так крестятся, а что-то дьявольское этим замышляют, и значит – ведьмы. Я в эту волну и попала. Приятно только, что в ведьмы обычно записывали самых красивых евреек, – Лена улыбнулась и снова взяла в руку вилку. – Но ладно... Дело прошлое. Рассказала просто потому, что ты так хотел узнать.

– Извини.

– А в этой жизни меня мама по настоянию отца хотела крестить. Но, слава Богу, я тогда как-то отмазалась.

– Та история с мамой... Теперь понимаю.

Некоторое время мы молча ели.

– Почему ты не спрашиваешь у меня, доверяю ли я тебе? – Закрутив вилкой на ложке очередную порцию феттучини, я посмотрел на Лену.

– Я не спрашивала? – Лена озабоченно подняла правую бровь. – Ну а в общем-то зачем спрашивать? Разве можно не доверять матери всех матерей? Когда вернулись домой, Лена предложила приготовить глинтвейн.

– Отличная идея, – я поцеловал её в щеку. – Посмотрим какой-нибудь фильм?

– Отличная идея, – она поцеловала меня в щеку и проскользнула на кухню.

Полулежали, полуобнявшись, на диване, пили глинтвейн и посмеивались над Адамом Сэндлером и Дрю Берримор в «50 первых поцелуев». В прихожей несколько раз звонил мой мобильный телефон, оставленный в кармане куртки.

– Возьмёшь? – приподнимала голову Лена, продолжая рукой обвивать мою шею.

– Перезвоню, – ладонью мягко укладывал её голову обратно на мое плечо.

После того, как закончился фильм, я прошёл в прихожую за телефоном.

– Кто звонил? – Спросила Лена.

– Акрам.

– Вы с ним так часто общаетесь в последнее время...

– Тебе не нравится?

– Н-нет, всё нормально... Перезвонишь ему?

– Чуть позже. Посидим еще немного... – Я снова подсел к ней, поцеловал в макушку. – Представляешь, я на днях тоже видел НЛО, рано утром, в виде такой вытянутой дыни.

– Что за глупости... НЛО не бывает.

– Как... Ты же сама говорила, что видела. Сама первая мне про него рассказала...

– Ничего я не говорила. Что ты придумываешь?! НЛО не бывает. Их только газетчики придумывают для своих сенсаций.

– Лена, подожди... – я отодвинулся от неё, – ты несколько дней назад рассказывала...

– Ага, ага, взвился... – рассмеявшись, Лена ткнула меня в грудь указательными пальцами обеих рук, – а сам-то мне не верил. Вот знай теперь, как это – когда хочешь поделиться чем-то необыкновенным и важным, а тебе не верят и считают сумасшедшей.

– Я не считал...

– Ладно, неважно, – она прильнула ко мне, – хотя я сама с того раза больше его не видела...

– Ну и чёрт с ним...

Звонил не только Акрам. Еще Маша. Но Лене я об этом не сказал. И Маше не перезвонил. Перезвонил Акраму. Но он не ответил.

Утром Лена приготовила яичницу. Утром вилок стало опять на одну меньше.

– Я верю в барабашек... – задумчиво проговорила Лена, глядя в окно. – Мне даже кажется, что они придают дому фэншуйность. Ну знаешь... как будто наполняют его некой аурой или душой...

Я ничего не сказал.

– Да, без барабашек дом однозначно был бы пуст, холоден и бездушен, – уверенно закончила Лена.

Потом – обычный рабочий день. Съездить к партнерам. Съездить к клиентам. Привезти менеджерам-продажникам документы и по пути купить им что-нибудь поесть. И себе купить что-нибудь поесть.

Обедали вместе с продавцами в их комнате. Шутили, смеялись. Пупс (кличка менеджера Попцова) поставил на своем ноутбуке смешной номер из последнего выпуска «Комеди Клуб». Проходивший мимо благочестивый человек спросил меня:

– Зачем ты ешь, пьешь и веселишься вместе с продавцами?

Хотя нет – не благочестивый человек, а руководитель отдела, привлечённый и раздражённый слишком громким смехом в нашем кабинете.

– Горе вам, смеющимся ныне. Ибо восплачете и возрыдаете...

Именно что-то такое он и сказал. Пупс выключил видео.

Потом мне действительно стало плохо, и я скрылся в туалете. Тошнило, и глаза слезились от рези. Казалось, что ко мне снова возвратилась бессонница, точнее – ее последствия. Хотя тошнило, скорее, от не слишком свежего пирожка с печенью.

Бессонница не приходила ко мне уже несколько суток. Прошлой ночью я спал прекрасно, как, впрочем, и в предыдущие.

В тот момент в туалете я по-настоящему осознал перемену, произошедшую со мной после сеансов психотерапевтического гипноза. Все последние дни я спокойно засыпал в одиннадцать-двенадцать часов вечера. Крепко, без кошмаров, спал ночью. Утром просыпался выспавшимся, свежим и полным сил. Днём мне не хотелось спать, не слезились глаза. Лицо порозовело, бледность исчезла.

Я подумал, что Игорь Иванович действительно очень хороший психотерапевт. Согласился с Леной – в который раз, и даже без её присутствия рядом.

Когда после обеда я выехал из офиса по очередному делу, позвонила Маша:

– Привет. Спасибо тебе.

– Привет. За что?

– За очки. Или я не тебя должна благодарить?

– Тебе их вернули?

– Похоже на то, раз я тебя благодарю.

– Это не только моя заслуга. Даже в большей степени не моя, а моего друга Акрама.

– Передай ему спасибо тоже. Мне приятно снова скрывать глаза за тёмными стеклами. И мне приятно, что помощь пришла от тебя. Что делаешь сегодня? Может, погуляем?

– Я на работе сейчас. Сегодня не смогу.

- Жаль. Ну, тогда пока.
- Пока, – я отключил телефон.

В течение дня я несколько раз звонил Акраму, но он не отвечал и не перезванивал. Возвращаясь с работы домой, набрал его номер ещё раз. Ответил глухой старческий голос:

- Алло. Слушаю.
- Здравствуйте. Я звоню Акраму.

– Здравствуй, Илья. Это Хасан Исмаилович, его отец. Акрам в больнице, его позавчера сбила машина. Я тебя вчера искал, звонил...

Через час я сидел в больничной палате рядом с койкой Акрама. Он выглядел гораздо лучше, чем можно было ожидать. И, как ни странно – гораздо веселее и бодрее, чем обычно.

- Суки. Отряд придётся собирать, – рассмеялся он, покачав головой.
- Ты о чем?

- О суках из ночного клуба. Это же они меня так...
- А машина? Твой отец сказал, что тебя машина сбила.

– Да, машиной тоже слегка ударили, вначале. Правое ребро сломано. В остальном – легко отделался. Но отцу я подробности не стал рассказывать. Расстроится. Во все чеченские газеты и журналы статьи напишет, Рамзану Кадырову – открытое письмо. Нет, нам международный скандал не нужен. Ребята тихо приедут, тихо восстановят справедливость, во имя Аллаха.

- Джихад?

Акрам посмотрел на меня долгим странным взглядом кротких глаз:

– Конечно, джихад. Почеши мне ребра справа, под рукой. Отлежал, чешутся, суки...

Я почесал ему бок под перебинтованной рукой:

– Но Коран ведь учит, что самый великий джихад – это джихад в своём сердце со своими пороками.

Лицо Акрама помрачнело:

- Откуда ты всё знаешь?

– Так... Видео разное в спаме присылали. Исламисты какие-нибудь, наверное.

– Да, – грустно выдохнул Акрам, – в Коране именно так и сказано. Но наш джихад не будет великим. Небольшой такой – совсем маленький...

– Акрам, может, всё-таки не надо... Мне, конечно, очень жаль, что так получилось. Лучше бы меня избили... И ты знаешь, я ради тебя на всё готов... Лекарства, лечение – всё готов оплатить. Но сказано ведь: любите врагов ваших. Ударившему тебя по щеке – подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду – отдай и рубашку... Прощайте и будете прощены...

- Это христианство, – то ли спросил, то ли уточнил Акрам.

- Да, но какая разница... Это просто мировая мудрость.

– Знаешь, кто хранит ключи от христианского Храма Гроба Господня в Иерусалиме? – Акрам поднял левую бровь.

- Папа Римский? – Полувопросительно ответил я.

– Мусульмане... – грустно выдохнул Акрам. – Потому что христиане между друг другом не смогли договориться, кому сколько служить в храме. А ты щёки – надувать и подставлять...

– Не надувать. Так подставлять, ненадутыми... – разочарованно проговорил я. – Но сунниты с шиитами, между прочим, тоже там о чём-то договориться не могут, еще и убивают друг друга всё время...

– Не могут, – согласился Акрам. – Люди вообще договариваться не умеют. Но ты, наверное, в чём-то прав. Ненависть порождает ненависть, и разомкнуть круг можно только нелогичным поступком. Возможно, любовью, или смирением... – Он возвёл очи к потолку. – Ты, наверное, прав. Оставим джихад для сердца... А эта девочка точно твоя дочь? – Он вдруг перевёл взгляд на меня.

– Да, была ситуация там... Молодость, неопытность... – неуверенно промямлил я.

– Да... Жаль... – снова грустно вздохнул Акрам, хотел сказать что-то ещё, но только опять сипло выдохнул, – но тогда ведь мы так и не сможем вернуть ей очки...

– Очки ей уже вернули, так что на этот счет можешь не беспокоиться.

– Кто? Когда?

– Вчера. Эти с клуба. Маша, кстати, передавала тебе большую благодарность...

– Вот суки... – Акрам в возбуждении приподнялся на кровати. – Это же они специально – чтобы унижить... Нет, оскорбление чести нельзя простить. Звоню Магомеду в Гудермес, собираем отряд.

– Но... Ты же сам сказал – что нужно разомкнуть круг, нелогичным поступком... Любовь вместо ненависти...

– Кто расстался с честью раз – больше с ней не встретится.

– А кто расстался с любовью?

– Любовь всепрощающая, придёт снова.

– Но Акрам... – я тяжело выдохнул, – ладно... Что мне нужно делать?

– Тебя это уже не касается. Тебя они не унизили. Но меня они оскорбили, и теперь это только мое дело.

9

В субботу мы с Леной поехали на дачу к её сестре. Кроме нас Ирочка с мужем Антоном пригласили еще троих друзей, но общая компания как-то не сложилась. Разговоры обрывались резко и неловко, без каких-либо спасительных ниточек для их возобновления. Завязывались потом натужно, словно с трением и сопротивлением окружающего пространства. Ирочка с Леной часто скрывались в доме, оставляя Антона с гостями около мангала. У них для этого была уважительная причина – Настасье, младшей дочке Ирочки, недавно исполнилось шесть месяцев. В какой-то момент Лена вышла из дома с Настасьей на руках. Гугукая с младенцем и то поднимая его на руках, то прижимая к груди, посмотрела на меня. Это был самый глубокий, многозначительный и самый красивый взгляд, который когда-либо появлялся в глазах Лены. В нем было столько всего... – и всё это было направлено в мою сторону и посвящено только мне – настолько, что я даже растерялся. Не знал, что делать и как отвечать на это всё. А какой-то ответ требовался, и его необходимость пугала. Любой мой ответ из того, что я мог сказать, был бы недостоин этого взгляда и его величия.

После обеда решили пойти к речке. По пути компания совсем распалась, разбилась на парочки. Мы с Леной увидели между деревьев симпатичную поляну, свернули к ней. На поляне – большие листья лопухов, поваленное дерево. Мы забрались на его ствол, уселись на толстые ветви. Лена рассказала, как Антон в свое время помог им с Ирочкой открыть бизнес. Дал займы денег и помог с документацией. Не так давно они погасили долг вместе с процентами, и теперь работают уже только с собственными финансами. Потом мы молчали, наблюдая за стрекозами над лопухами.

– Ты представляешь, под гипнозом я вижу картины древнееврейской жизни времен Христа... – решительно выдохнул я, прервав молчание.

– Илюша, не надо... – Лена взялась руками за голову, словно хотела закрыть уши.

– Почему? Я хочу тебе рассказать, не могу больше терпеть.

– Илюша, я признательна, но я не хочу бередить твои душевные раны... Могу представить, сколько боли ты перенес, даже не знаю, что страшнее – моё сожжение на костре или крест и все твои мучения. Я ведь знаю, что это такое...

– Лена, я больше не могу держать это в себе, – я взял её руки и рассказал обо всех гипнотических путешествиях по прошлой жизни.

Она выслушала удивительно спокойно. Когда я закончил рассказ, пожала мне ладони:

– Да, это всё ужасно... Судя по нашим прошлым жизням, мы с тобой братья по несчастью. Точнее, брат и сестра.

– Но что ты думаешь о том, что я был Иисусом Христом?

– Это, конечно, круто, что ты был такой исторической фигурой – даже льстит мне в какой-то степени, – она улыбнулась, – но ты и твоя нынешняя жизнь мне в сто раз важнее. Теперь я вдвойне буду переживать, чтобы твое лечение прошло успешно.

– То есть ты за то, чтобы я продолжал сеансы с Игорем Ивановичем?

– Конечно, само собой! Почему у тебя возник такой вопрос?

– Ну... Во-первых, дорого это всё... Во-вторых... – Я замаялся. – У меня какое-то ощущение, что я вроде как подменяю или исправляю такую великую судьбу, которая повлияла на всё человечество, и этим нарушаю что-то.

– Что произошло – то произошло. Ты же не на машине времени туда попадаешь и всё там исправляешь. Это только в твоей голове, – она положила руку мне на лоб, – только там что-то исправляется. На самом деле, это всё – только игры разума, но ты должен следовать им и верить в них, чтобы лечение принесло пользу.

Я посмотрел на лужайку. Две стрекозы медитативно висели в воздухе над большим листом лопуха. Легкое вязкое опьянение от выпитого на даче пива исчезло. Я трезв. И думаю трезво – о том, что Лена, наверное, права. Ведь действительно всё происходит только у меня в голове, в небольшом объёме серого вещества – всего-то литра полтора. А весь остальной реальный мир, все его предметы и явления, все остальные люди – ещё семь миллиардов полуторалитровых контейнеров серого вещества – для них совершенно неважно, что изменилось в моей кубышке с серым веществом – одной из семи миллиардов. Ни для кого не имеет значения, что я сделаю со своим серым веществом – исправлю в нём что-нибудь или нет.

Лена поглаживала мою руку и тоже молча смотрела на лужайку. Любовалась стрекозами, тихой и ненавязчивой величием природы, проявленной в этот момент в маленьком пейзаже маленькой лужайки перед нами. Сожжение... Крест... Это всё казалось таким нереальным сейчас... Бесконечно далеким, невозможным. Как люди вообще могли додуматься до такого? Когда только такая спокойная красота и величие природы вокруг...

В воскресенье я поехал в больницу к Акраму. Он уже стоял на ногах. И не только стоял, но и гулял по коридору. Мы обнялись. Я заметил, что глаза его блестят ярче обычного, а зрачки немного расширены, но ничего не сказал.

– Как ты, дорогой? – спросил он, продолжая обнимать меня здоровой рукой.

- Я в порядке. А ты как?
- Отлично... Отлично... Видишь... – он отвел в сторону руку, словно хотел продемонстрировать своё поздоровевшее тело. – Лера, здравствуйте, – вдруг серьёзно-официальным тоном обратился к проходившей мимо молодой медсестре.
- Здравствуйте, Акрам, – прыснула та и ускорила шаг.
- Может, укольчик? Или ещё там что-нибудь... Исключительно медицинское... – начал ей вдогонку Акрам.
- Вечером. По графику, – бросила через плечо Лера и свернула к лестнице.
- Ну вот, опять только графики, – Акрам повернулся ко мне. – Смешная девушка. Медсестры вообще такие смешные...
- Смотрю, ты тут время не теряешь...
- Нет. Конечно, нет. Хочешь, кстати, взбодриться? – кивнул головой в сторону палаты.
- Ты прямо в палате? Или тебе медсестры подают?
- Не подают... Говорю же – смешные.
- Здоровой рукой Акрам открыл дверь, и мы вошли в его обиталище.
- Разговаривал со своими ребятами из Гудермеса? – спросил я.
- Акрам посмотрел на меня, словно не понимая, потом улыбнулся:
- Поговорил, не беспокойся. Собирают информацию.
- Информацию? Какую? Ты же и так всё знаешь.
- Далеко не всё. Кто хозяин клуба, как документы оформлены, кто нотариус, кто учредители – нюансов очень много.
- Зачем это? Ты же просто тем охранникам хотел отомстить?
- Чтобы клуб отобрать. Честь честью, а Адама Смита и экономические интересы никто не отменял. Почему бы не совместить приятное с полезным? Тем более что честь моя, а ребятам – какая выгода?
- Я думал, они за семейную честь...
- Конечно, и за семейную честь тоже. Ты торопишься? – спросил Акрам.
- Не особо.
- Ну отлично. Тогда так... – вытащив из холодильника небольшой полиэтиленовый пакетик, он совершил с ним кое-какие манипуляции, после чего насыпал мне в ладонь несколько небольших катышков серо-зеленого цвета, – вода на тумбочке. Всё будет хорошо.
- Не сомневаюсь, – я ссыпал все себе в рот и запил водой.
- Акрам тоже проглотил несколько шариков.
- Классный у тебя отец, – сказал я. – Он же очень старый уже?
- Семьдесят девять в этом году. Нормально.
- Почему вы с семьей из Алма-Аты переехали в Москву, а не в Чечню?
- Отцу для литературной карьеры удобнее было жить в Москве. Но нам он говорил, что если будем отсиживаться под крыльями его авторитета, то никогда не отрастим себе своих собственных крыльев.
- Мудро...
- Да... И красиво... Крылья... Крылья... – повторил Акрам с разными интонациями и расхохотался. – Крылья... Я понимаю, ситуация, конечно, смешная, – он налил стакан воды, выпил, – очень смешная. Потому что я вижу сейчас на стене эти крылья, а ты, наверное, нет.
- О чем ты? Тебя, по-моему, начало накрывать...
- Конечно, – Акрам широко улыбнулся, снова набрал в рот воды, прополоскал и выплюнул в раковину, – не накрыть не могло... Ты понимаешь... И эти крылья... Ты, наверное, сейчас представляешь советские такие кры-

ля – полуфлаг, полукрыло самолета, и золотая звёздочка в углу. Тебе такие крылья понравились бы, точно... Иисус ведь, если верить уфологам, был инопланетянином, ему должны нравиться летательные аппараты... И крылья... Да, с золотой звёздочкой, золотой..., ты, наверное, крутую картинку видишь... Но я-то вижу совсем другие крылья. И это очень смешно. Я вижу индейские... Только сам обладатель этих крыльев не появляется передо мной. Мне кажется, он боится тебя. Ладно, я отойду, попробую поговорить с ним наедине, – Акрам лёг на кровать и отвернулся к стене.

Я с улыбкой сел на стул напротив, ожидая, когда и меня так накроет. Но ничего не происходило. Я посмотрел на часы. Проверил в телефоне сообщения. Потом отложил его, боясь, что он может спровоцировать какие-нибудь зацикленные образы и навязчиво-параноидальное состояние. Вдруг почувствовал легкий озноб. «Приходит», – мелькнуло в голове. Усилилось слюноотделение, а потом вдруг, наоборот, пересохло во рту. Я прополоскал горло и сплюнул в раковину. Озноб исчез, вместо него тело наполнилось ощущением ватности.

Через некоторое время мне стало невыносимо сидеть так в одной позе на стуле, в небольшом замкнутом пространстве больничной палаты. Я вышел в коридор, спустился по лестнице вниз и вышел на улицу. Я всё так же чувствовал в голове тяжесть, но сознание оставалось кристально ясным. Начал накрапывать мелкий дождик. Я сел на скамейку под деревом. По аллее прошла Лера – медсестра, с которой пытался флиртовать Акрам. «Симпатичная», – отметил про себя. Мелкие капли капали. Совсем мелкие. Казалось, что дождь вот-вот прекратится. Я начал считать падавшие на моё тело капли. Крылья, крест, костер. «Мы с тобой брат и сестра». Почему Лена упомянула про крест еще до того, как я ей всё рассказал? Я стёр ладонью капли с лица. Тревожно осмотрелся по сторонам. Сорвал травинку и принялся жевать её кончик.

Через некоторое время снова начала мучить жажда. Купил в больничном буфете две бутылки воды и две шоколадки, поднялся в палату к Акраму. Он сидел на стуле перед окном. Я протянул ему бутылку и шоколадку.

– О, спасибо, друг, – отвлёкся он от созерцания больничного парка, – как ты?

– В порядке. Только ничего не пришло.

– Да ты что? Вообще ничего не пришло?

– Ничего. Хотя... Чувствую себя странновато. Неприятная тяжесть внутри.

– Неприятная тяжесть, говоришь? – Акрам внимательно посмотрел на меня.

– Да, а что?

– Я слышал, так бывает, когда некое знание хочет к тебе прийти, но нечто в тебе противится и не пускает его.

– Некое знание? – переспросил я.

– И я даже подозреваю, какое, – Акрам отвернулся к окну. – Наверное, я должен тебе сказать... Мария, твоя дочь – элитная малолетняя проститутка. Я узнал это от тех педерастов в ночном клубе.

– Как... Не может быть... – промямлил я, не столько шокированный новостью (хотя и это тоже), сколько стараясь не выдать себя и достоверно сыграть роль незадачливого папочки, убитого горькой вестью.

– Как я и думал, ты был не в курсе...

– Ты уверен в этом? – переспросил я.

– К сожалению... Такое знание тяжело принять. Наверное, поэтому у тебя сегодня всё было так странно, и твоё внутреннее «я» заблокировало волну...

«Нет. Не может быть. Зачем Акрам так сказал? Может, заподозрил, что я обманываю, и решил таким образом проверить? Нет, слишком сложно... Гораздо вероятнее, что амбалы из ночного клуба его обманули, из чувствамести, или просто поиздеваться. Но почему он им так легко поверил? Акрама так просто не обмануть. Он наверняка сто раз проверил...» Такими мыслями я был поглощён по дороге домой.

Позднее в тот же день позвонила Маша, но я не ответил. Звонок прозвенел удачно по времени – Лена вышла в магазин за продуктами. Но что, если в следующий раз Маша позвонит, когда я буду находиться рядом с Леной? Не отвечать на звонок? Но что сказать Лене, если спросит, почему не отвечаю? Отвечать и разговаривать при Лене – ещё ужаснее. Отключать звук телефона, когда Лена рядом? В конце концов я решил добавить Машин номер в черный список.

На очередную встречу с психотерапевтом я приехал раньше назначенного времени. Хотел постучать и открыть дверь, но услышал из-за неё приглушённые раздражённые голоса. В то же мгновение дверь кабинета широко распахнулась, и мне навстречу выскочила разгневанная Лена. Я ещё ни разу не видел её в таком состоянии. Столкнувшись со мной, она попыталась улыбнуться, поправила причёску и тяжело выдохнула:

– Привет.

– Привет. Откуда ты здесь? – искренне удивился я.

– Да... – Она с раздражением взмахнула рукой. – Вот, смотри, – протянула газету, на развороте которой крупными буквами заголовок: «РЕИНКАРНАЦИЯ ИИСУСА ХРИСТА ЖИВЁТ В МОСКВЕ!»

– Что это?

– Поздравляю! Ты попал в жёлтую прессу. Игорь Иванович дал кому-то интервью о ваших сеансах. Только этого нам не хватало. Терпеть не могу, когда вмешиваются в мою личную жизнь... Ладно, у тебя сеанс сейчас. Потом поговорим. Пока! – Она поцеловала меня в щеку и устремилась к выходу.

– Пока! – махнув ей вслед рукой, я вошел в кабинет Игоря Ивановича. Упоминание в газете меня совсем не расстроило. Скорее наоборот – я почувствовал себя приятно польщённым.

Игорь Иванович тоже находился в радостном возбуждении. Его глазки горели, щёки покрылись румянцем.

– Здравствуй, Илья. Проходи-проходи, садись, – он вышел ко мне навстречу и усадил в кресло, – тут только твоя благоверная приходила, устроила сцену. Ух... Фурия... Все женщины – фурии, только копни поглубже...

– Вы без моего спроса дали интервью обо мне? – попытался я поддержать Лену и проявить строгость, но это мне не очень удалось.

– Господи, и ты туда же, что ли? Главное – есть отклик! Будет привлечено внимание к величайшим открытиям психотерапевтической науки! А имен я никаких не разглашал – всё конфиденциально. В остальном – имею полное право. И ты, прежде чем критиковать – сам посмотри, полюбуйся. Теперь если захочешь – станешь звездой, великой знаменитостью! Если захочешь, конечно...

Он расстелил передо мной на столе газету:

«РЕИНКАРНАЦИЯ ИИСУСА ХРИСТА ЖИВЁТ В МОСКВЕ!»

Сеансы гипноза, проведенные доктором Савельевым с одним из своих пациентов, привели к сенсационному открытию: в городе Москве живёт реинкарнация Иисуса Христа.

Очередной сеанс психотерапии с пациентом, страдающим маниакально-депрессивным психозом, не предвещал ничего необычного. Довери-

тельная беседа, после которой врач погружает пациента в состояние гипнотического сна. В состоянии гипноза пациент вспоминает свои прошлые психологические травмы, которые не помнит в обычной жизни. После гипноза психотерапевт вместе с пациентом анализируют, как можно преодолеть последствия этих травм.

Но в тот день всё пошло не по плану. Войдя в состояние гипнотического транса, пациент стал вспоминать подробности жизни и быта, которые никак не могли принадлежать нашей эпохе. Через некоторое время он начал произносить слова на совершенно неизвестном языке, а потом и назвал свое имя – Иисус...»

– Разве я произносил слова на неизвестном языке? – спросил я.

– Нет, это уже журналисты насочиняли, конечно. Им только дай волю... Но в остальном – почти ничего не переврали, даже удивительно... Ну что, хочешь стать звездой?

– Ну... – замылся я, хотя в голове сразу промелькнула мысль об актёрских успехах, чем чёрт не шутит... – Пока не знаю... Как-то неожиданно всё. Нужно подумать.

– Конечно-конечно, нам тут много почвы для размышлений, – с готовностью согласился Игорь Иванович. – Обо всём подумаем, не будем торопиться... – Он решительно убрал газету в ящик стола. – Устраивайся поудобнее в кресле, давай настраиваться на сеанс.

Щелчок пальцев.

– Посмотри, пожалуйста, на свои ноги. Какая на них обувь? В какой ты одежде?

Я направлял внутренний взгляд вниз, но ничего не видел. Сделал глубокий вдох, снова сконцентрировал внимание, но опять ничего не увидел.

– Я ничего не вижу, – тихо признался Игорю Ивановичу.

– Хорошо, давай постараемся ещё больше расслабиться, отпустить все мысли и сконцентрироваться на внутренних ощущениях, – медленным тягучим голосом увещевал Игорь Иванович, – ты совершенно спокоен. Твоё тело мгновенно и полностью расслабляется. Твой внутренний взгляд опущен вниз, внимание сконцентрировано в центре солнечного сплетения. Эта точка нагревается... нагревается... нагревается... И лучи тепла распространяются из этой точки во все стороны тела. Ты направляешь свой внутренний взгляд вниз и видишь внизу большой белый круг. Сейчас я сосчитаю до пяти, щёлкну пальцами, ты пролетишь через этот круг и окажешься в одной из важных ситуаций своего прошлого. Раз... Два... Три... Четыре... Пять...

Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. Во что они обуты?

– Они обуты в синие кроссовки с тремя белыми полосками.

– Хорошо... В смысле? – словно поперхнулся Игорь Иванович, но тут же поправился: – Хорошо, хорошо. Посмотри внимательнее. Это действительно кроссовки?

– Да, на моих ногах синие кроссовки с тремя белыми полосками.

– Хорошо... Хорошо... Подними глаза. Что ты видишь вокруг?

– Я вижу отца. За его спиной около стены – трёх моих друзей, вместе с которыми мы играем в рок-группе. Рядом со мной на возвышении – барабаны. Мой отец занимает высокую должность в министерстве образования, и благодаря своим связям он устроил нас в музыкальную студию дворца пионеров. До этого мы репетировали в подвале, почти без инструментов. А здесь невероятно круто – профессиональные электрогитары и японская студийная

аудиоаппаратура. В подвале я играл на картонных коробках, а здесь – огромная ударная установка. Мы репетируем здесь вторую неделю, по вечерам. Сегодня мы уже готовы записать две первых песни. Но запись прервал мой отец. Он вошел в студию вместе с какой-то женщиной лет сорока пяти. В тот момент мы пели нашу вторую песню, написанную под влиянием творчества «Гражданской обороны». Песня называлась «Красная жопа вождя». Женщина через несколько секунд выбежала из комнаты, а папа сделал нам знак остановиться. Мои друзья отошли в сторону, а я стою перед ним около барабанной установки. Неожиданно отец бьет меня по лицу свернутым в трубочку журналом, который держал в руке. Я с опозданием – уже после журнальной пощечины – сильно уклоняюсь в сторону и ударяюсь виском об острый край барабанной тарелки. От обиды и неожиданной резкой боли в виске я громко вскрикиваю и захожусь визгливым плачем. Я очень явственно представляю происходящее со стороны и чувствую отвращение к себе. Пятнадцатилетний парень, считающий себя почти рок-звездой – и на глазах у друзей – таких же крутых рокеров – отец небрежно и с презрением бьет его попавшимся под руку журналом. Даже не рукой – это было бы солиднее и благороднее, а первым попавшимся под руку предметом. Мне кажется, что кровь брызжет из моего виска. Я трогаю висок, смотрю на пальцы. Крови нет. Отец прижимает мою голову к груди, рассматривает мой висок. «Извини, – говорит он, – не ожидал, что ты так... дернёшься. Ничего, сейчас пройдет. Пошли, концерты здесь закончены. И вы тоже идите... – он кивает моим друзьям. – Здесь больше играть не будете. Надеюсь, и вообще больше не будете. Это хулиганство нельзя музыкой называть». Он начинает ругать нас. Говорит, что доверился нам, а мы его так подвели. Что из-за нас он может потерять свою работу. Вовчик хочет возразить и, кажется, даже силой защитить меня от отца, но Акрам с Кайратом удерживают его и выводят из комнаты. «Собирайся, идём домой», – сурово бросает мне отец и выходит вслед за ними. В этот момент я осознаю, что не чувствую к отцу ничего, кроме ненависти. Он никогда не понимал меня и даже не пытался понять. Не знал, как называлась группа, которую мы организовали, и какую музыку мы собираемся играть. С такими мыслями я покидаю это место, которое больше никогда не увижу и которое мне до сих пор хочется забыть навсегда.

– Хорошо, давай теперь исправим эту ситуацию с акцентом на выстраивании правильных ролей отца и сына в ней... Роль отца – ввести сына во взрослую жизнь, быть для него проводником в ней и оказывать поддержку. Роль сына – следовать за отцом в изучении новой для него взрослой жизни и под его руководством и опекой постигать её уроки. Вернёмся в студию звукозаписи. Твой отец помогает тебе с аппаратурой в твоей музыкальной карьере. Но он не успел тебе объяснить некоторые правила в твоих первых шагах во взрослой жизни. Например, если государственное учреждение обеспечивает тебя аппаратурой, то со своей стороны оно ожидает и вправе требовать, чтобы твой репертуар соответствовал его вкусам и жанровым предпочтениям. В Советском Союзе нарушение этого негласного соглашения могло привести к серьезным неприятностям для обеих сторон. И в твоём случае наибольшему риску подвергнулся твой отец, так как он мог лишиться всего – должности, общественного статуса, и даже своей роли в семье – защищать и обеспечивать её всем необходимым. Поэтому сейчас отец выполняет роль проводника и, поддерживая тебя, объясняет необходимые правила, которые помогут в твоих первых шагах во взрослой жизни. Итак, ты с друзьями находишься в студии. В помещение студии входит твой отец. Он отводит тебя в

отдельную комнату и подробно рассказывает обо всех условиях и правилах, трудностях и перспективах того пути во взрослой жизни, который ты хочешь выбрать. Ты благодаришь его за ту роль проводника, которую он для тебя выполняет. Это знание окажет тебе большую помощь в том пути, который ты хочешь выбрать. Ты с уважением относишься к его мнению и его советам, и благодаришь за данный тебе урок. Чувствуешь ли ты благодарность и уважение по отношению к отцу?

– Да, наверное, – тихо отвечаю я.

– Хорошо. Потом вы с отцом обнимаетесь. Вы оба полностью выполнили свои роли отца и сына, предназначённые вам природой. Доволен ли ты тем, как разрешилась эта ситуация?

– Я чувствую, что сейчас произошло какое-то изменение в моем отношении к отцу, что-то начало исправляться.

– Хорошо. Тогда нам пришло время выйти из этой ситуации и из состояния гипноза.

Когда я открыл глаза, Игорь Иванович сидел в своем кресле, задумчиво подперев щеку рукой и легонько постукивая указательным пальцем по виску.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Хорошо. – Я неторопливо приподнялся на локтях и сел. – Но что-то не туда попал сегодня, да?

– М-да, – выдохнул Игорь Иванович, – похоже, регрессия сегодня не случилась. Непонятно, почему... Под гипнозом ты просто попал в воспоминание о своём прошлом, из нынешней жизни. Ничего страшного, конечно. Акт терапии всё равно произошел, мы проработали твою юношескую травму. В общем, с точки зрения психотерапии всё хорошо, всё не зря... Но нам важно закончить проработки по той твоей жизни – так что продолжим в следующий раз.

Во взрослом возрасте, на расстоянии от родителей, я осознал, что по какой-то причине нечто во мне-подростке вызывало у отца постоянное раздражение. Но ни причину, ни черту своего характера, вызывавшую тогда отцовское недовольство, я до сих пор не могу определить. Можно было бы всё списать на наши идеологические противоречия: он – партийный функционер, я – рокер-неформал, но это слишком упрощённая картинка, и где-то глубоко внутри я чувствую, что дело совсем в другом.

Отец был очень музыкален. Благодаря ему я долгое время полагал, что если человек – музыкант, то он должен уметь играть сразу на всех инструментах (и огорчался, что я так не могу, и что у меня вообще нет слуха). Я видел отца игравшим на гитаре, на пианино, на баяне, на флейте и даже на домбре. На каждом из этих инструментов он играл легко, без напряжения. Он объяснял это абсолютным слухом и не очень любил вспоминать о том, что некоторое время учился в алма-атинской консерватории, в которую попал прямо из совхоза – эдакий деревенский парнишка-самородок, баянист-виртуоз. Но музыкальному будущему он вскоре предпочел карьеру по комсомольской и потом – по партийной линии. Отец предпочитал не вспоминать о том, в какой бедности жил в детстве и скольких сил ему стоило добиться нынешнего благосостояния и должности в министерстве.

Отец был очень гостеприимным и хлебосольным хозяином – но в основном только для своих коллег и особенно начальства. Но как только уходили друзья, в нем словно что-то выключалось. Я ужасно не любил этот момент – когда захлопывалась дверь за последним гостем. Мы с мамой начинали переносить грязную посуду с большого стола в гостиную в кухонную раковину. Отец иногда помогал нам, но чаще медленно и сосредоточено складывал му-

зыкальный инструмент – или инструменты – на которых играл при гостях – баян, домбру или гитару. Потом или включал телевизор, или всё в том же задумчивом состоянии сидел на диване, время от времени оглядываясь по сторонам и чмокая толстыми губами.

Отец никогда не хотел, чтобы я занимался музыкой, моё участие в рок-группе считал несерьёзным капризом и не разрешал брать свою гитару. По поводу моего будущего у отца была странная мечта – отправить меня в армию, и после неё – в школу КГБ. Я до сих пор не знаю, осознавал ли он тогда её странность и несбыточность, или надеялся на то, что дите «перебесится» и армия его потом перевоспитает.

После того, как отец выгнал меня с друзьями из дворца пионеров, ни это происшествие, ни всё, что было связано с творчеством рок-группы «Убить зяблика», больше никогда не обсуждалось в нашей семье. Я чувствовал, что тот случай изменил всё, но вряд ли отец чувствовал так же. А через три месяца мама скоропостижно умерла от рака, и тогда всё действительно изменилось навсегда.

10

На курсах актерского мастерства я больше всего любил «музыкальные этюды» – когда преподаватель включал негромко (или, наоборот, громко) какую-нибудь мелодию, и ученику нужно было, используя музыку, разыграть на сцене небольшую импровизированную сценку – со словами, либо немую.

Музыку преподаватель всегда ставил интересную и необычную. В большинстве случаев я слышал эти композиции впервые: малоизвестные эстрадные песни 50-х – 70-х годов – советские и зарубежные, джазовые номера, иногда классика, иногда альтернативный рок или необычные ремиксы и перепевки известных песен.

В тот вечер вместе со мной на актёрские курсы пришла Лена. «Хочу посмотреть на тебя-актёра, если ты не против», – объявила накануне с улыбкой, обвив одной рукой мою шею. Я не был против. Мне досталась малоизвестная эстрада 70-х, кажется, на греческом (или каком другом балканском) языке. Во всяком случае, и в мелодии, и в непонятных словах чувствовалось что-то терпко-средиземноморское. Песню исполняла женщина, высоким проникновенным голосом.

В «музыкальных этюдах» я полностью отдавался импровизации и никогда заранее не представлял, что буду делать на сцене. Так же и в этот раз с далёким морским голосом греческой певицы. Вышел на сцену и повернулся к публике. В голове пусто, во рту – сухо. В теле – волнение до чуть заметной дрожи. Попытался расслабить мышцы, чтобы поймать в их сети мягкий неторопливый ритм песни и отпустить тело следовать за ним.

Певица пела о... о любви, конечно... О несчастной любви. Когда внутри всё волнуется и кипит от страсти, но внешние обстоятельства не позволяют возможности открыть свою любовь, выпустить её, как птицу, наружу, и подарить тому единственному... Чтобы от пущенной в его сторону искры возгорелось пламя, способное испепелить весь мир.

В медленном танце я погладил свои бёдра сверху вниз до колен, потом резко дернул руки вверх – словно задрал полы короткой юбки. Быстрые два шага вперед, два шага назад. Желание проявить себя, продемонстрировать свои прелести и... страх... Общество презирает таких, как я. Таким, как я, не дано право голоса.

Резкий поворот головы вправо, потом влево. Это не было танцем, скорее пластическими движениями в такт музыке.

Меня никто не видит? Я снова шагаю назад, вглубь сцены. Снова «задираю юбку». Потом развязным шагом, покачивая бедрами, иду вперёд, смотрю призывным взглядом по сторонам, подмигиваю кому-то из зрителей, улыбаюсь ему, поигрываю в приоткрытых губах язычком, артистично выгнутом пальчиком приманиваю избранника. Нет? Мотнув головой, изображаю презрительное «фи», машу ладошкой и иду по сцене влево, продолжая развязно вилять бедрами. Певица всё с той же тоской поёт о невозможной любви. Я подмигиваю кому-то ещё, хлопаю ладонью себя по бедру, подзываю пальчиком, но вдруг спохватываюсь, смущённо опускаю голову, из моих глаз готовы потечь предательские слезы. Я превращаюсь в невинную овечку. Одёргиваю и поправляю «юбку». Ёжась словно от холода, складываю на груди руки и осторожно поглаживаю предплечья. Несмело поднимаю глаза, робко киваю, подавая руку невидимому партнёру. Вопросительно показываю головой вглубь сцены: «Туда?». Получив «ответ», одновременно с радостью и страхом веду его за собой. Осторожно глажу его руку, прикасаюсь к плечу, пытаюсь обнять, но – несмело, и останавливаюсь, теряюсь. «Милый, для тебя я – только путана, случайная девушка на ночь, но как же я мечтаю о том, чтобы подарить тебе не только тело, но и всю свою бескрайнюю любовь, всю себя, на всю оставшуюся жизнь».

Я выхожу из глубины сцены, разглаживаю на бедрах платье, смотрю на невидимого партнера затравленным зверьком. Осторожно беру его «руку» в свои, обнимаю его «плечо», растерянно улыбаюсь и отвожу глаза, поймав его «взгляд». Отпустив «руку», быстро и порывисто обнимаю его. Но тут же отстраняюсь, словно нарвавшись на холод. Подставляю щеку для холодного дежурного поцелуя. Невидимый партнер уходит, но мои руки ещё подняты вслед ему, ещё приоткрыты для объятия. «Милый, я знаю – я только путана для тебя, случайная девушка на ночь...»

Музыка замолкает. Стряхнув с себя образ проститутки, я учтиво кланяюсь зрителям. Нестройные аплодисменты, перешептывания. Лена мило улыбается и хлопает в ладоши громче всех.

– Хорошо, спасибо. Теперь Дмитрий... – преподаватель подбирает новый трек для следующего номера.

Зазвучала песня Rammstein в пародийной джазовой обработке. Дима вышел на сцену и преобразился в медведя. Медведя, который ходит с цыганами по ярмарке и развлекает своими танцами и ужимками публику. Он присаживался на задних ногах, потом тяжело переваливался на них из стороны в сторону, неуклюже подпрыгивал, забавно шлёпал губами, хлопал руками-«лапами» и призывно ими махал – мол, кинь конфетку или сахарок. Дима очень хорошо играл. В какое-то мгновение мне показалось, что я смотрю на сцену из старого советского фильма-сказки с профессиональным киноактером, исполняющим роль шута или еще какого-нибудь персонажа. Вместе с казалась бы несовместимым «Rammstein в стиле джаз» этот русский медведь на ярмарке смотрелся совершенно уморительно. Зрители, включая преподавателя и Лену, покатывались со смеху. Только мне почему-то было не очень смешно.

– Это так замечательно! – говорит Лена, когда мы едем домой. – Я и не предполагала, что на актёрских курсах может быть так весело. Теперь понимаю, почему ты на них всегда летишь как на крыльях. Жаль, что у меня нет актерского таланта, а то тоже пошла бы. Другое дело – Дима. Сразу видно, что талант и профессионал. Он не заканчивал театральный?

– Нет.

– Видишь, значит всё-таки врожденный талант.

– Тебе он понравился?

– Как актер – конечно. Такая пластика, мимика – как будто настоящий актёр в театре. А ты заревновал? – Она мягко треплет меня за щёку.

– Вообще нет, – выдыхаю я, – но мне кажется, что его игра слишком холодная, бездушная. Именно что профессиональная, но не искренняя.

– Ну... Может быть, – с готовностью соглашается Лена. – А твоя сценка мне очень понравилась. У тебя – да, всё с душой, очень чувственно.

– Спасибо, – я расплываюсь в довольной улыбке.

– Девушка ждет партнёра, изнемогает от неги, представляет себе, как будет его соблазнять... Движения, позы... Очень чувственно и эротично.

– Не девушка – проститутка, – осторожно поправляю я.

– Ты показывал проститутку?

Джим Моррисон ушел от родителей. Иисус ушел от родителей. Я ушел от родителей. Колобок ушел от родителей. Кто жил раньше – Иисус или колобок? Колобок – как символ круга и всекосмической округлости Вселенной и всех её детей-объектов, сбежавших из духа бунта и протеста от неких неизвестных нам родителей во время Большого Взрыва (или сам этот побег и был Большим Взрывом)? Может быть, тогда я – бесконечно-вечно перерождающаяся душа-колобок Вселенной? Колобком сбежал от родителей, родился-переродился Иисусом от Вселенной-Бога-Отца. Терзаемый всё тем же духом протеста против прародителей, перевоплотился из круга в самую противоположную ему фигуру – в крест. В теле Джима снова стал божеством для миллионов поклонников, но сбежал и от них. Бежал дальше – от своего прошлого и настоящего. Бежал-бежал, пока не добежал до ванны в Париже, в которой наконец свернулся клубком-калачиком-колобком и отправил себя по почте дальше. В меня? А я в шестнадцать лет вместе с друзьями написал две песни, одна из которых называлась «Красная жопа вождя», а другая – уже не помню как, сбацал их отцу, получил от отца по башке и через несколько месяцев покатился от него колобком-колбаской по Малой Спасской. Но в отличие от предшественников я остановился. Устроился на работу (совершенно случайно – зайдя в магазин погреться) грузчиком-сборщиком мебели, снял однокомнатную квартиру – кубическую ловушку для колобка, и зажил припеваючи, «я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл».

Через некоторое время я позвонил отцу, но к нему уже не вернулся. К двадцати пяти годам всё в той же мебельной фирме я вырос до должности администратора. Простая, приятно понятная работа, которой я вполне был удовлетворен.

You know that it would be untrue

You know that I would be a liar.

If I was to say to you:

Girl we couldn't get much higher...

Ты знаешь, это было бы неправдой,

Ты знаешь, я был бы лжецом,

Если бы сказал тебе:

«Девочка, мы не смогли бы добраться выше...»

Или:

«Девочка, мы не могли бы получить больше кайфа...»

Кто знает? Джим Моррисон тоже ничего не знал – иначе не прятался бы в своей парижской ванне. Да и где «выше»?

Я – простой парень. Люблю простые вещи. И в моей жизни всё обычно просто. Я не люблю кофе латте по-ирландски с ликёром амаретто или ещё какую-нибудь похожую фигню. Люблю растворимый кофе «Нескафе» с молоком. Не люблю зелёный чай из свёрнутых листьев и цветов жасмина. Люблю домашний компот. Не люблю вино «Шардонне» урожая 19XX-го года с теплым насыщенным вкусом ягод винограда, выращенного в провинции ХХХ. Люблю светлое разливное пиво. Можно ещё привести примеров двести... Но тогда уже станет сложно. А я – простой парень и люблю простые вещи. Если вдруг в моей жизни что-то начинает усложняться, то, значит, произошла какая-то ошибка. В таких случаях я иду домой, сажусь в кресло в углу комнаты и пью пиво. Тогда всё сразу становится на свои места. Сижу. Пью. Можно ещё телевизор включить или какой-нибудь дивидишник в проигрыватель сунуть – лучше всего со старой советской комедией. Но лучше всего, конечно, сесть за компьютер и начать мочить каких-нибудь тварей или плохих парней. Тогда всё возвращается к своей первоизданной простоте. У Адама и Евы ведь тоже всё было просто, пока они не начали что-то там жевать и разбираться в отношениях между собой и с Богом. Раньше было проще, сложнее стало позже. Лена мне нравилась тем, что она тоже была простой (как мне казалось). Несмотря на свои заморочки с фэншуйем и разговорами про Вселенную. Фэншуй у нее, на самом деле, был простой, и Вселенная – вместе с чакрами, аурами и потоками энергии – тоже простой. Стул в комнате либо стоял по фэншуйю, либо не стоял. Вселенная была либо за неё, либо – против. Точнее, судя по её словам, Вселенная никогда не была против, а всегда только «за», но сама Лена не всегда могла распознать её знаки и намеки... Правда, иногда мне начинало казаться, что я ошибался на её счет.

Игорь Иванович уехал в Швейцарию на международный психотерапевтический форум. Во время его отсутствия, после двух отменённых сеансов, я неожиданно почувствовал странное одиночество. Почти каждый день я проводил много времени с Леной и был вполне удовлетворен нашими взаимоотношениями. Кроме Лены много общался с приятелями по работе, с Акрамом. Я почти постоянно находился в чьей-то компании, и общение с окружающими меня людьми доставляло радость. Но вместе с радостью на некоем более глубоком уровне – как будто на подземном паркинге – царил бескрайнее одиночество, неподвижное и неутолимое. Оно не вызывало никакой тоски или печали, как это случалось раньше, когда мне было одиноко. Нынешнее одиночество было другим – спокойным, равнодушным и непреходящим – словно оно жило в глубине моей души всегда, и только теперь спала пелена, мешавшая его увидеть. И как только спала пелена, я весь наполнился им. Стоял, наполненный одиночеством, и весело шутил с друзьями. Лежал, наполненный одиночеством, и нежно обнимался с Леной. Сидел, наполненный одиночеством, напротив Акрама и слушал его разоблачения тайной истории психотерапии:

– Психотерапия возникла только благодаря бессердечным и циничным американским капиталистам-эксплуататорам. Конец девятнадцатого – начало двадцатого века. Промышленная революция, первые конвейеры, двенадцатичасовой рабочий день. На своих предприятиях они выжимали из своих рабочих последние соки. Но лицемерие тяжелых условий, в которых жил трудовой класс и простой народ, вдруг однажды заставило их душу болеть. Но вместо того, чтобы поменьше эксплуатировать рабочих и сократить им рабочий день хотя бы до десяти часов и таким образом облегчить свои ду-

шевные страдания, они рванули в Швейцарию лечить эти самые душевные страдания в дорогущих частных клиниках. На лечение одной своей душонки каждый из них тратил столько, что на эти деньги можно было бы обеспечить безбедное существование десяткам душ, вкалывающих с утра до ночи на его заводах. Спрос рождает предложение... Частные психотерапевтические клиники растут в Швейцарии и в остальной Европе как на дрожжах, факультеты психологии переполнены, все хотят изучать душевные раны богачей. И что в результате? Триста-четырееста, от силы – пятьсот мелких душонок американских капиталистов-империалистов невольно профинансировали создание и развитие целой науки – психотерапии. Правда, была кроме этих америкашек одна юная российская истеричка-мазохистка Сабина Шпильрейн, которая, впрочем, скоро из пациентки Юнга превратилась в его любовницу, а потом и в психоаналитика. А всё остальное сделали финансы Рокфеллеров и прочих американских миллионеров.

При упоминании юной российской мазохистки у меня вдруг тревожно засосало под ложечкой. В следующий момент я понял, что безумно хочу позвонить Маше и поговорить с ней. Услышать ее странное прерывистое дыхание, составлявшее вместе с речью и частым прихихикиванием своеобразный неповторимый ритм – словно особую музыкальную мелодию. Я задумался о том, не связано ли мое странное нынешнее чувство одиночества с тем, что я давно не видел Машу. Мне хотелось бы полагать, что нет, но, не встретившись с ней, нельзя было утверждать однозначно. «Еще одна встреча с ней неизбежна», – думал я, продолжая сидеть перед Акрамом и делать вид, что внимательно слушаю захватывающую историю жизни Сабины Шпильрейн.

Но еще несколько дней я не звонил Маше и не выходил в скайп, чтобы случайно не встретиться с ней онлайн.

Я часто думал о ней, но как-то отвлеченно. Представлял, как позвоню, и что буду говорить. Как мы встретимся и посидим в кафе. Мне казалось, что я ощущаю ее присутствие в том же городе, на тех же улицах, проспектах и линиях метро, в тех же парках, торговых центрах и зданиях, по которым перемещается моё тело, и значит – у нее всё в порядке, и в один из дней мы случайно встретимся в одной из точек нашего общего пространства. Я почти забыл то, что рассказал мне о ней Акрам. Не то, чтобы «верил – не верил», а именно забыл.

Потом в один вечер, когда Лена уже спала, я первый раз за последние несколько недель открыл скайп. Замигали иконки, цифры. Сообщения от двух контактов – от отца и от Маши. От Маши – бусины коротких и, как мне показалось, отчаянных сообщений: «Привет!» «Здесь?» «Илья?» «Ты где?» «???» «Где?» «И...?» «Пи-пи-пи...» «Это была шутка. Ну же, где ты?» «Эй!» «Ну что?»

После них – длинная нить: «Сажу в клубешнике. Голубые напитки. Голубые собеседники. Голубые лампы над баром. Голубые стробоскопы. Да и вообще, всё такое дымное, холодное и безжизненно голубое. А хочется голубого неба. Я не понимаю. Тебя, наверное, сбила машина. Или упал кирпич. Или нет. Какая разница. Когда так исчезают люди, уже не имеет значения, живы они или мертвы. Потому что мертвы. Пойду. Буду танцевать. И улыбаться мертвому тебе. Выпить ещё. Напиться. Я танцую, улыбаюсь мертвому тебе, пью за мертвого тебя».

Потом нить споткнулась о длинное многоточие. И завершило серию сообщений смиренно-краткое: «Прости».

Мне показалось, как будто я слышу ее шмыганье носом, с короткими прерывистыми придыханиями. Стёр всю цепочку сообщений. После этого почувствовал себя ещё отвратительнее.

В ту ночь ко мне вернулась бессонница. Вместе с ней – комнаты с монстрами, живыми тупаками и быстрыми уверенными боевиками, поливающимися окружающее пространство яркими очередями пуль. Я тоже со всей дури палил вокруг из своего автомата. Пока не увидел старика в плаще с пистолетом. Тогда я перестал стрелять, нажал кнопку «Esc», сохранился и вышел из игры.

Утром всё серо, туманно, тяжело и болезненно. Поспать бы ещё, но нужно идти на работу. Мне кажется, что я большой серый неуклюжий волк, вязнувший в болоте, а мимо меня порхает легкая и сияюще свежая девочка Красная Шапочка – Лена. Только не в красной шапочке, а в красном платье.

– Я надеюсь, ты не начал снова играть в компьютерные игры?

– Да.

– «Да» – начал или «да» – не начал?

– Не начал.

– Что ты делал?

– Да так... Читал, пил компот, пытался уснуть...

– И во сколько уснул?

– Где-то в четыре...

– Кошмар. Ну ничего, ваши сеансы возобновятся, и всё будет хорошо.

Я быстро расправился с тарелкой мюслей с молоком и заел вытасненным из холодильника шматом колбасы. Быстрый обжигающий чай с лимоном.

Мы встали из-за стола. Лена убрала грязную посуду в раковину, ополоснула её в обильной пене моющего средства.

Мы в прихожей. Обувь, зеркало, ключи на полочке. Открывается дверь. Мы в подъезде. Неизменно футуристические скрежеты лифта. Сдвигание-раздвигание створок. Хлопанье подъездной двери. Яркий свет и гомоняще-галдящая какофония звуков городской жизни. Мы на тротуаре, выпущенные в окружающий мир на двенадцатичасовой сеанс взаимодействия с биосферой. Через двенадцать часов можно будет вернуться в свою капсулу.

11

Это происходило снова. Я лежал на земле, почти обездвиженный. Почва шевелилась подо мной, словно ожившее огромное пресмыкающееся. Пресмыкающееся ползло. И всё приходило в движение, содрогалось и перемещалось. Или я полз по земле? Из последних сил, сотрясаясь в конвульсиях, втираясь в её плоть и мечтая стать с ней единым целым, смешаться с ней и стать её частью – только бы прекратилась эта тряска, только бы спрятаться в земной плоти от того, что должно произойти. Только бы избежать неизбежного. Погрузиться, утонуть в её пыли. Но не избежать. Я вижу вилку, полупогребенную в земной пыли, но металл блестит в скудных солнечных лучах, и значит, её увидят. Значит, её используют. Воткнут в натянутые спагетти моих жил и вен. Чтобы пригвоздить к земле, остановить дрожание. Чтобы приколоть, остановить движение. Я больше не могу... Я не могу снова допустить это. Я тянусь к вилке. Я ползу к вилке. Я нащупываю её в пыли, осторожно перебираю в пальцах. Металл приятно холодит их. Теперь вилка моя, и никто не сможет ей воспользоваться. Никто не сможет причинить мне боль. Тяну руку с вилкой к себе. Осталось чуть-чуть, и я прижму её к груди. Обниму обеими руками. Чтобы укрыть, спрятать, сродниться с ней. Чтобы она почувствовала и обрела качества моей сущности, объединилась со мной, и значит, никогда не смогла бы причинить мне боль.

– Илья! – Что-то слегка обожгло щёку. – Илья! Илья!

Стоявшая напротив Маша играла со мной в какую-то странную садо-мазохистскую игру, в которой нужно было по очереди бить друг друга по щекам.

Нет. Это не Маша. Это Лена. Мы на кухне моей квартиры, стоим друг напротив друга.

– Илья! – Она ещё раз ударила меня по щеке. – Илья!

Я почувствовал, что чьи-то руки толкают меня.

– Илья, что ты делаешь? Зачем? Перестань! Приди в себя!

– Лена, привет... – я хотел её обнять, поднял руки, в одной из которых всё ещё была зажата вилка, но она отскочила от меня.

В следующее мгновение пришло осознание происходящего.

– А, чёрт... – я бросил вилку в сторону. – Чёрт... Какой-то бред. Мне снилось... Мне снилось... Такой явственный сон. Извини, я всё понял, – закрыв лицо руками, я прошел в ванную комнату. Серая тяжесть наполняла голову. Ужасно хотелось спать при безнадежно проснувшемся и бодрствующем сознании, при ясном понимании, что заснуть уже не смогу.

– Илья... – тихо позвала из-за двери Лена.

– Подожди. Мне нужно немного побыть одному, – я залез в ванну и лёг в ней, поджав ноги. Закрыв глаза.

– Что ты там делаешь?

– Ничего. Думаю. Мне просто нужно немного побыть одному. Прости.

– Что это за шум?

– Ничего. Я просто лёг в ванну.

– Илья...

– Маша, прости, я полежу здесь несколько минут и выйду. Не бойся.

– Маша?

– Лена, прости...

– Маша?!.. – Тональность её голоса стремится в небеса.

– Чёрт... Лена, прости... Дай мне пять минут. Потом я всё объясню.

Лёгкий толчок в дверь и тишина.

Бывают в жизни моменты, когда очень хочется воспользоваться приёмом киномонтажа. Когда только недавно всё было (вроде бы) просто и легко. Но вдруг эти простые вещи начинают необъяснимо запутываться, события замедляют свой естественный ход развития. Как будто кто-то невидимый начинает тянуть за концы невидимой паутины – и вокруг всё становится тесно, вязко, густо. События продолжают происходить, но запутываются в этой вязкости – и окружающее пространство сжимается ещё сильнее, становится ещё более тягучим, непонятным. Потом – ещё движения, и можно уже почти ощутить обволакивающую паутину. И вот уже этот самый момент – самый-самый, точно выверенный монтажером, когда – хоп! – краски экрана начинают медленно меркнуть. Многозначительное затемнение. Ну или хотя бы просто «cut» – монтажная склейка, а в следующих кадрах – сияющее солнце, яркие краски природы, кабриолет несётся куда-то по ровной дороге, и ветер развеивает волосы красавицы за рулем.

Но нет. Ничего такого не будет. Нависшая вокруг тяжелая тягучесть никуда не денется. Только тебе самому с ней разбираться. Решать, что делать. Думать. Бояться допустить ошибку. С ощущением холода в груди осознавать, что очень много – гораздо больше, чем в абсолютном большинстве других моментов твоей жизни – зависит сейчас от твоего решения и следующих действий. Наконец, принимать какое-то решение и начинать что-то делать, говорить, двигаться.

Через несколько минут я почувствовал себя немного лучше. Вылез из ванны и сел на её край. От следующей – совершенно нелепой и неожиданной – мысли громко рассмеялся:

– Вот и я залез в ванну и свернулся в ней клубком... Инстинкт колобка-Джима Моррисона, – сказал тихо вслух.

За дверью послышалось движение. Я открыл защёлку и вышел.

Монтажная склейка.

– Ну что, дружище, как ты? Я – замечательно, – Акрам со своей лучезарной улыбкой докуривал сигарету, – здоровье поправилось. Зашили-залатали. Завернули-пнули. Катись, говорят, не занимай койку законных калек и инвалидов. Рукой ещё не могу, конечно, полноценно двигать. Тренировочки ещё пропускаю. Но в остальном – зашибись. А ты что-то неспрашно выглядишь.

– А что, какой-то праздник? – Я растерянно посмотрел по сторонам. В кафе, где мы сидели, было пусто и тихо.

– Наши души созданы для праздника. Когда цветет внутри душа, каждое мгновение – праздник.

– Да, Акрам-ваша правильно говорит. Душа... Она... Она... Праздник, – обреченно покачал головой сидевший рядом с ним невысокий, тощий и смуглый парень. Он говорил с сильным акцентом. Казалось, что он с трудом подбирает слова на русском языке, но ему удавалось умело маскировать это богатым набором интонационных переходов речи и непредсказуемыми выражениями эмоций.

– Это Магомед, мой брат из Гудермеса, – представил его Акрам. – Приехал защитить честь, восстановить справедливость и заняться новым бизнесом. Да, Магомед? – повернулся к нему.

– Всё правильно, всё справедливо, вокха ваша, – Магомед поднял вверх правый кулак.

– Настоящий воин! – Акрам поднял в ответ свой правый кулак.

– Честно говоря, по комплекции не скажешь, – невольно проговорил я и тут же пожалел о сказанном.

– Зачем так?

Магомед с кошачье-звериной грацией выскользнул из-за стола, одновременно прихватив с собой полупустую бутылку колы. Гордо пройдя мимо меня, он остановился на небольшом пятачке свободного пространства между столами. Неожиданно подбросил бутылку к потолку и в быстром прыжке с разворота резко и сильно пнул её на высоте, чуть ли не в полтора раза превышающей его рост. Бутылка со свистом пролетела надо мной и Акрамом и глухо ударилась в стену.

– Настоящий воин! – Акрам снова поднял вверх правый кулак. – Чемпион области по смешанным единоборствам.

– Да, впечатляет, – в знак согласия и солидарности я тоже поднял сжатый кулак.

Магомед с сияющими от радости глазами сел на место.

– В среду – свидание. Сначала – разговор! – рубленными фразами, каждая из которых словно пригвоздила к стене невидимого оппонента с возможными возражениями и сомнениями, изложил он краткий план действий.

– А когда Монте-Карло? – с усмешкой подмигнул ему Акрам.

– Монте-Карло – в конце. Такой Монте-Карло сделаю – лучше всякого Монте-Карло.

Акрам в очередной раз поднял кулак. Потом повернулся ко мне:

– Ты так и не рассказал, как у тебя дела и что нарушает праздник твоей души.

– Что нарушает? – задумчиво повторил я. – Вилки по ночам сам у себя ворую и прячу. Поющие кресты в видениях вижу. А в снах – белое небо и тонкие

нити, очень страшные. Очень-очень, ничего страшнее в жизни не встречал. Но это когда удается уснуть – что случается нечасто. Обратился к психотерапевту, а он под гипнозом выяснил, что я в прошлой жизни был Иисусом Христом. И теперь нынешнее мое перерождение – то ли второе пришествие, то ли просто так – пока неизвестно. И неизвестно, что нужно делать. Хотя я тебе уже это рассказывал. И ещё Лена от меня ушла.

– Махди Иса, сын праведной Марьям? – с благоговейным удивлением поднял брови Магомед. – Не шутишь, брат?

– Ничего не бывает просто так, – с нарочитой суровостью вздохнул Акрам. – Но на месте Лены я бы тоже, наверное, ушёл.

– Тебе бы всё шутить... – устало отмахнулся я.

– Махди Иса, сын праведной Марьям? – повернувшись к Акраму, всё с тем же удивленным благоговением повторил Магомед.

– Раз так говорит – то, стало быть, так и есть, – согласился Акрам, – хотя... с твоей комплекцией тебя непросто на крест поднять, наверное. Никакие гвозди не выдержат.

– Да пошел ты... – отмахнулся я.

Акрам проговорил несколько фраз по-чеченски.

– Рассказываешь Магомеду, какой я псих? – с некоторой ревностью, что не понимаю сказанное, спросил я.

– Нет. Скорее, какой ты благочестивый человек и как давно мы с тобой дружим.

– Да, Акрам-ваша хорошо говорит. Хорошо, – подтвердил молодой гудермесец.

– И что твоя бессмертная душа уже много веков путешествует по миру, переселяясь из одного великого человека в другого, – продолжил Акрам, – начиная от Иисуса до Святого Августина, Франциска Ассизского, Данте, Леонардо и всех остальных.

– Леонардо ди Каприо? – уточнил Мага.

– Нет, Мага, с ди Каприо всё нормально будет, не беспокойся.

– Хм, нормально... – с иронией покачал головой Мага, – «Оскара»-то не дают...

Я поднял кружку с пивом, легко покачал ею в воздухе, наблюдая за тем, как желто-прозрачная жидкость смывает с внутренних стенок остатки пены.

– Акрам, я... в общем... – слова подбирались с трудом, – хотя ты и говорил... не могу остаться в стороне. Вся эта история с теми бандитами с меня началась, и я должен идти с тобой до конца. Так что я – в деле! Ы-ых! – Я поднял сжатый левый кулак.

Напускная удаль прозвучала в моих словах, кажется, крайне искусственно, но что получилось – то получилось. Магомед, во всяком случае, поднял свой кулак в ответ и проревел:

– Ы-ых, с нами Махди Иса, сын праведной Марьям! Настоящий джихад! Вселенский джихад!

Я не хотел возвращаться в пустую квартиру. Воскресенье казалось невероятно длинным. Куда деть себя?

Акраму с Магомедом нужно было ехать в гости к родственникам, и они слишком быстро оставили меня одного в кафе. Куда деть себя?

Я несколько раз звонил Лене, но она отключила телефон. Куда она уехала и где сейчас находилась? Скорее всего, у Ирочки. Но Ирочке я звонить не хотел. Куда деть себя?

Скорее бы понедельник. Работа. Люди. Возможность поехать к Игорю Ивановичу. Да, наверное, именно этого мне хотелось в тот момент больше всего. Упакуй меня куда-нибудь своим гипнозом. Отправь по почте куда угодно. В любую прошлую жизнь, в любые видения, страны, эпохи, месяцы, годы. Вытащи из меня всё и от всего освободи. Вытащи из меня спасителя человечества, или, наоборот, переработай из мессии в овощ – всё равно. Как он говорил... «Гениев не существует. Любая гениальность – не более, чем одержимость вызванная неврозом или психозом». Ну так выкорчуй из меня эти психозы-неврозы... Останусь овощем на травке под солнышком. Буду беззаботно радоваться каждому теплему дню.

Я выпил еще пива. Куда деть себя?

В квартире всё было перевернуто вверх дном. Хотя ценные вещи – новый телевизор, dvd-плеер, ноутбук – находились на месте. Я обрадовался тому, что не храню деньги дома. Впрочем, и хранить-то было особо нечего – больших сумм денег у меня никогда не водилось. Драгоценностей – тем более. У Лены было несколько золотых украшений, но она наверняка забрала их с собой утром. Правда, она так стремительно собралась и исчезла из квартиры, пока я лежал в ванне, что могла что-то забыть. Но драгоценности наверняка сложила в первую очередь.

Я начал убираться, но скоро понял, что нет ни сил, ни воли этим заниматься. Достал из тайника пачку сигарет (Лена не любила, когда я иногда выкуривал сигарету-другую, и тем более не позволяла курить дома) и вышел на балкон. Сел в старое полуразвалившееся кресло и закурил. Вспомнилось, как мы с Леной однажды занимались сексом в этом кресле. Опыление от пива проходило, но закуренная сигарета вновь наполнила голову туманом. Закрывать глаза и спать – если только получится уснуть... Я сполз в кресле ниже, откинул голову на спинку. Сбоку что-то неприятно уперлось в бедро. Не открывая глаз, пошарил рукой. Твердая обложка какой-то книжки, застрявшей в щели между сидением и подлокотником. Я достал темно-коричневую, очень толстую тетрадь в твердой обложке с заголовком на английском «Diary». Дневник Лены. Я видел его несколько раз у неё в сумочке, но ни разу не замечал, чтобы она что-то в нём записывала.

– Вот дурочка, – тихо сказал я и неторопливо пролистал тетрадь. Она была исписана примерно наполовину. Аккуратный и размеренный округлый почерк, сразу видно – женский. Пытался выловить в ровных строчках свое имя, но на протяжении двадцати-тридцати страниц ни разу не мелькнуло ничего похожего на «Илья». К любопытству примешалась некоторая досада от уязвленного самолюбия. Я открыл наугад, ближе к началу.

«02.10.2010.

Я не понимаю, зачем я обратилась к равнине. Хотя правильнее сказать – я ЕЩЁ не понимаю. Одна из чудесных закономерностей моей жизни (к счастью, я смогла её заметить) – в том, что некоторые важные вещи происходят со мной независимо от моего понимания, как бы незаметно. Я ещё не знаю, что это и зачем, ещё ничего не чувствую и ни о чем не задумываюсь, а что-то уже происходит, и снаружи, и внутри меня. А понимание приходит потом, через некоторое время – “догоняет”. Причем “догоняет” всегда в самый нужный и важный момент – именно тогда, когда я для него “созрела”.

Я верю, что то же самое – и с этой встречей. Понимание ещё придёт, попозже (и я уже – в радостном ожидании), а пока – пусть всё идет своим чередом. Пока я продолжаю думать о своем женском предназначении и том, как эта встреча может быть с ним связана (хотя намеков и знаков пока нет). Но все

мои мысли и чувства об этом важны. Путь домой будет долгим и непростым, но я иду по нему и не боюсь препятствий».

«25.10.2010.

Я продаю телефоны. Не как простая продавщица, конечно – как “бизнес-вуман”, но всё равно это как бы “купи-продай”, и может показаться примитивным. Хотя на самом деле в этой работе и этом предназначении для меня много смысла и символизма, связанного именно со мной. Ведь телефоны – это устройство для связи, для общения между людьми, то, что объединяет и помогает соединиться. Мне кажется, что именно для моего женского предназначения это очень символично и важно».

«02.12.2010.

И. не понимает самых невинных и прозрачных намёков! И даже не знаешь – смеяться или плакать. Пока я чаще смеюсь, но иногда уже хочется и заплакать, и закричать. Или стукнуть его по голове чем-нибудь тяжелым... Я успокаиваю себя тем, что ведь именно в такого, похожего на ребенка, я в него и влюбилась. И именно это мне в нём до сих пор нравится и кажется трогательным. Даже если в некоторые моменты раздражает и бесит. В другие моменты я думаю, что, если бы И. был как ребёнок, то в некоторых случаях он мог бы понять или догадаться. Ведь у детей есть интуиция, они чувствуют. А у И. ...»

«11.12.2010.

Пойти на регрессивный гипноз было для меня ошибкой. Я не знаю, почему и зачем я решила это сделать. Ведь с самого начала чувствовала сердцем, интуицией, что не нужно туда идти, что это не мой путь. При всём уважении и любви к В. А. и И. И.

И. И. совсем не виноват в произошедшем, я могла только ещё раз убедиться в его профессионализме. Дело только во мне, в моём пути и моём женском предназначении, для которого некоторые вещи – табу. Слушай Вселенную, милочка. Слушай своё сердце, мать матерей».

«04.01.2011.

Я завидую Ирочке. Я завидую Ирочке. Пришло время признаться себе в этом. Ещё я думаю, что она интуитивно, на уровне подсознания, чувствует это и так же интуитивно пытается сохранить, спасти своих детей от этой моей зависти, защитить их – “чтобы не сглазила”. Я сейчас явственно замечаю это в некоторых её действиях, словах. Меня это обижает. И в этом тоже пора откровенно признаться самой себе.

Не знаю, что с этим делать. И не знаю, что ещё сейчас об этом можно написать».

Я идентифицировал себя под «И.», под «И. И.» – Игоря Ивановича, а под «В. А.» – Веру Алексеевну. Ирочку Лена почему-то никак не зашифровала. Возможно, просто потому, что не хотела придумывать ей какой-то сложный псевдоним, а сокращение «И.» уже было занято. Упоминаний обо мне в её дневнике – по крайней мере, на тех страницах, что я прочитал – оказалось не так много, но это выглядело естественно. Во всяком случае, моё самолюбие перестало чувствовать себя уязвленным. Большинство записей в дневнике оказались короткими – в основном небольшие наблюдения и размышления. К подробному документированию своей жизни Лена явно не была расположена. Мне хотелось читать дальше, но в один момент вдруг неожиданно громко заявил о себе голос совести: «читать чужие дневники – плохо!», и стало чуть ли не физически неприятно. Я закрыл тетрадь и отложил её в сторону.

В тот вечер мне удалось заснуть, и даже относительно не поздно. Но в два часа ночи я проснулся. Сходил в туалет, достал печеньки и налил чаю. По-

нял, что снова заснуть не смогу. Включил компьютер, вошел в скайп. Новые непрочитанные сообщения от Маши. Первое – короткое: «Я была в церкви». Второе – пустое, но с приложенным документом Microsoft Word. Я открыл его: «Я очень грешна. Вот блин... – в этой фразе очень много “Я” и очень мало двух других слов. От этого ещё мерзей. Что ни сказать – всё какая-то поза. Жила однажды я с двумя дурачками. Мальчик и девочка. Похожие друг на друга, как брат и сестра. Большие головы, маленькие глаза и уши, приоткрытые рты. Широкие шеи и плечи – всегда ссутуленные. Толстенные, всегда полусогнутые пальцы. Они были хорошими, их я любила. Мы дружили. Но не это главное. Однажды я подумала, что хочу стать такой, как они. Им не нужно заботиться о том, чтобы быть кем-то. Не нужно играть роль в обществе. Не нужно тратить столько сил на то, чтобы постоянно осознавать, кто ты есть и как ты выглядишь для окружающих людей. Не нужно ежесекундно сдавать этот экзамен на соответствие миру. Они вышли из этой дурацкой и бессмысленной игры. Им больше не нужно мучиться, чтобы заготавливать позы и потом мучиться от того, что находишься в этих позах. Точнее, им так повезло, что даже не пришлось входить в эту игру, они были освобождены от неё с самого начала – с самого рождения. Как им повезло! Я завидовала им. И до сих пор завидую. Потом я училась быть такой, как они – не думать о том, как выгляжу в глазах окружающих, быть естественной. Что-то поняла, стала чуть-чуть свободнее. Но научиться этому невозможно. Как здоровому научиться быть горбуном или лилипутом. Можно только научиться очень правдоподобно выглядывать горбуном, но в этом опять актерство, опять поза.

Какое длинное лирическое отступление:(Но оно было честным. Честное слово! Позы было совсем чуть-чуть. Но совсем без неё никак и никогда не получается. Никак.

В общем, очень грешна я. Проститутка я. И ещё соучаствую в вымогательстве и шантаже – благодаря тому, что выгляжу малолеткой. Провоцирую взрослых мужчин на секс с собой, а потом мои “боссы” шантажируют этих мужиков, грозя заявить в милицию на тему педофилии, и снимают с них бабки. Ещё я таким же образом собиралась тебя “обработать”. Вся история с очками – это был повод познакомиться с тобой ближе и затащить тебя в постель. Хотя не совсем. Ты не был “клиентом”, был случайным знакомым. Но “боссы” тебя увидели в клубе и стали настаивать, чтобы я тебя “обработала”. И на самом деле отобрали очки. Сказали, что вернут, когда с тобой всё сделаю. Но не смогла я. В смысле, не смогла – не потому что не смогла, а потому что потом не захотела. Ты какой-то не такой был. Сам как ребёнок. Прости меня. Не только за себя. Вообще прости. Грешна я очень».

Следующее сообщение, датированное днём позже – снова с приложенным письмом: «Как-то это всё так странно. То, что ты тогда рассказал, стало для меня какой-то навязчивой мыслью. По необъяснимой причине. Просто необъяснимая навязчивость. И такая её необъяснимость ещё больше переворачивает что-то во мне и вызывает мое любопытство. В общем, замкнутый круг.

Я пошла в церковь. Новая церковь в нашем районе. Ещё даже недостроенная. Мои ноги вели меня туда, а моя голова в это время думала о том, что я сошла с ума.

Я попала на какую-то службу. Молодой красивый священник сначала говорил что-то на старославянском. Носил туда-сюда какие-то вещи. То свечи, то книгу, то ещё что-то. Махал дымящейся медной чашкой, как-то неловко – это выглядело немножко смешно. Людей в церкви было совсем немного. Пока он говорил на старославянском, я рассматривала иконы, роспись на стенах. По-

том случайно подняла я голову и прифигела. Там небо было и лицо Иисуса. Нарисованные, конечно. Но так красиво нарисованные и так по-настоящему. Чуть не заплакала я. Но потеряла нос и сдержалась силой. В небе – такая бесконечность, радостная и беззаботная. А в лице Иисуса – такая печаль и любовь. Или, может, не печаль, а тоска – по всем, кто внизу. По всем людям – и по мне, значит. Что грешны мы и не можем с ним, наверх. И эта тоска, как грузило – держит его внизу, с нами, со мной, и не дает туда, вверх, в это радостное и бесконечное небо подняться. Потому что переживает он за нас и не может с нами расстаться. Не может улететь. Эх, тогда не заплакала, а сейчас сию реву... в три ручья реву... Ну зачем это ему, зачем... Летел бы... Улетел бы уже давно и был бесконечно счастлив и бесконечно радостен, как то небо.

В общем, как-то сделалось нехорошо мне, и пошла я оттуда. Хочется теперь всё время еще раз сходить туда, но боюсь. И ты... Что с тобой теперь делать?»

Статус Маши в скайпе был «офлайн».

ЧАСТЬ 3

12

В понедельник утром на мой мобильник позвонили со скрытого номера. Я принял звонок:

– Алло.

– Это Илья Кучеренков?

– Да.

– Здравствуйте. Меня зовут Нина Сидорова. Я журналистка газеты «Желтая правда». Появилась информация об интересном случае, который с вами произошел – как будто вы под гипнозом вспомнили свою прошлую жизнь и, вдобавок, оказались в ней Иисусом Христом. Это правда?

– М-м-м, примерно так.

– Мы хотели бы расспросить вас о подробностях и сделать об этом материал. Если вам удобно, я могу к вам сейчас подъехать.

– Понятно. Но вы извините, я не хочу, чтобы об этом выходил материал.

– Почему? Это же очень интересная и важная тема. Я бы сказала, общественно значимая тема, которая наверняка будет интересна многим читателям.

– Я не хочу огласки.

– Мы готовы выплатить вам вознаграждение за беседу. Неплохой гонорар, так скажем...

– Спасибо, но я не хочу. До свидания, – я повесил трубку.

Через несколько секунд снова трель телефона, и снова – «скрытый номер». Я отключил звук.

Настойчивая журналистка звонила еще несколько раз, но я всё так же не брал трубку. К вечеру вдруг пожалел, что отказал ей в интервью. «Ну, встретились бы. Ответил бы на несколько вопросов. Зато – определенная известность, которая может мне пригодиться для будущего участия в спектакле», – пришло мне в голову.

На актерском занятии – самый сложный для меня «импровизационный речевой этюд», без музыки. Я некоторое время молча брожу по сцене. Не найдя сюжета и идеи, оборачиваюсь к публике и начинаю говорить, постепенно повышая голос:

– Пойми, пойми, пойми... Ты ничего не сможешь понять. Ничего. Ничего. Ничего. Понимание ничего не дает нам. Понимания нет. Мы никогда не мо-

жем обрести полного понимания. Никто из людей. Никто из двух людей с разделенными башками. И ты ничего не сможешь понять. – Я уже почти ору и опускаю воображаемую партнершу на колени. – Маленькая... Миленькая... – Я возвышаюсь над ней – доминируя, почти угрожающе. – Такая маленькая... Такая миленькая... Ты ничего не сможешь понять. Даже в эту секунду. Одну такую маленькую, ничтожную секундочку. Даже на самую долю мгновения. Маленькая... Мыленькая...

Я оговорился, судорожно сглотнул. Горло сразу пережало. Я вяло, неестественно кашлянул-крякнул. Послышался смешок кого-то из зрителей. Я кашлянул сильнее, с притворным страхом посмотрел на публику. Еще несколько человек рассмеялись. Я понял, что теперь из-за этой дурацкой оговорки придется менять дальнейшее течение импровизации. В углу зала замигала лампа дневного света.

– Мы-ыленькая, – растягивая буквы, повторил я оговорку. – Что ж ты в мыле-то вся? Ну, вставай-вставай, – я показал жестами будто поднимаю свою партнершу. – Лошадка моя. В стране мыла дефицит, а ты намылилась.

Кто-то хохотнул, но остальные молчали. Я почувствовал, как реакция зрителей в одно мгновение изменилась, атмосфера в комнате словно переключилась со знака «плюс» на знак «минус». Моя миниатюра начала напрягать зрителей, и нужно было ее каким-то образом скорее заканчивать. Но я не представлял, как. Моя энергия вдруг моментально испарилась.

Выдавливая из себя слова, я с трудом проговорил:

– И подковать я тебя забыл...

Всё... У меня окончательно исчезли слова, идеи, энергия... Всё, на что меня хватило – это из последних сил промямлить:

– Пойдем, подкую тебя, и жизнь станет лучше.

Я повел воображаемую лошадь с импровизированной сцены. Вышел из образа, поклонился. Раздались неуверенные аплодисменты. Покраснев, я вернулся на свое место. Это был невероятный провал, какого у меня еще никогда не случалось не только в этой студии, но, кажется, и в жизни.

– Спасибо, Илья. Оригинально. Не всё понятно, но по-своему интересно, – равнодушно проговорил преподаватель. – Кто следующий?

Я вдруг почувствовал тошноту. Стараясь не привлекать внимания, вышел из зала. В коридоре прохладнее и воздух свежее. Приступ тошноты откатывается вниз. Вместо него внутри меня появляется какое-то болезненно возбужденное существо – неподконтрольное мне и беспокойное настолько, что не дает возможности концентрироваться на окружающем. Несусь к гардеробу, забираю свою сумку, переодеваюсь в туалете. Выбегаю из здания. Попадаю под тонкие струи холодного дождя, но почти не чувствую их. Вместо того, чтобы спрятаться от непогоды в машине и поехать домой, выплескиваюсь на проспект и быстрым шагом иду по тротуару. С проспекта – в переулок, потом в другой, серо-мокрый и пустынный. «Кто здесь?» Зрение выхватывает обрывочные картины окружающего. Темно-серый забор с непонятными рисунками. Старые деревянные ворота ржаво-коричневого цвета. Теплый свет из-за дорогих тюлевых штор в проеме ухоженного окна с решетками. Снова серый забор, на котором большая неровная надпись синим: «Просто синяя краска осталась».

Через некоторое время я начал ощущать капли дождя. Остановился, подставил под них лицо и понял, что мое тело дрожит от холода.

– Всё равно скоро звездой стану! – прорычал в льющуюся с небес воду и с досадой вспомнил, как отказал вчера журналистке в интервью.

«А ведь такая напористая, наверняка потом протолкнула бы этот материал везде, где только можно...», – думал я, пока возвращался к машине.

Ночью в скайпе – сообщение от Маши:

«Прочитала тут книжку одну. В шоке немного. Не немного. Просто в шоке. Книжка называется “Не просто плотник”, автора уже не помню, какой-то Джон. Факт один, в общем, шокировал. Остальное всё ерунда, в общем, проповеднические всякие многословности. Но этот факт – да, шокировал. В общем, этот факт (знаешь, я так уверенно говорю, что факт – потому что специально проверила потом всю эту информацию в разных источниках в Интернете, и со всех сторон подтвердилось – значит, факт, наверное).

Итак, факт: когда Иисуса Христа распяли – все его ученики разбежались. Петр отрекся до первого петуха, остальные вообще попрятались и т. д. Понимаешь? Испугались они, потому что остались без учителя и без лидера. То есть они поняли, что остались без Иисуса Христа, что он умер, и разбежались. Но потом – прошло какое-то время (и за это время ЧТО-ТО случилось), и они ВСЕ начали проповедовать о Христе, о том, что он воскрес и улетел, и что он вернется, для того чтобы забрать с собой в рай всех, кто не грешник и верит в него. Зачем они начали это говорить и почему, если знали, что Иисус умер? Но этого мало. В то время начались гонения на христиан, римляне их или мучили, заставляя отречься, или убивали. И, представляешь, каждого ученика Христа (кроме одного, правда – Иоанна) в какой-то момент ловили и под угрозой смерти или пыток – жутких пыток, заставляли отречься от Христа. Но теперь ни один из них не отрекся. До того Петр какой-то женщины испугался, которая его узнала, а теперь сказал – лучше распните меня, но от Христа не отрекусь. Почему? И все остальные ученики тоже выбрали страшные пытки и смерть. Одного четвертовали, другого бросили к львам, третьему голову отрубили, и т. д., и в том же духе – в общем, ты понял. Почему? Зачем? И ЧТО случилось за это время – между тем моментом, когда испуганные ученики разбежались и отрекались от Христа и тем моментом, когда все они сознательно пошли на мученическую смерть за отказ отречься? ЧТО случилось? Твои варианты ответа?»

Статус Маши – «оффлайн».

Следующим утром – долгожданный прием у психотерапевта.

Игорь Иванович подарил мне ручку. Бело-голубую, с надписью «V International Conference of the ECPP».

– Посмотри на свои ноги. Что ты видишь?

– Ослиную голову. Я еду на осле. Осел украшен цветами и чьими-то одежками. За мной идут мои ученики. Передо мной люди, которые радуются и стелют на дорогу ветви деревьев и одежду. Кто-то кричит: «Осанна Сыну Давидову!» Я улыбаюсь им с любовью. Мы подходим к воротам в город. Сойдя с осла, иду к храму, чтобы вознести молитвы. Но во дворе храма я прежде всего вижу торговцев и менял, которые превратили обиталище божье в базар. Усмехнувшись, я кричу им: «Написано: дом Мой домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников». Подхожу к ближайшей лавке с товаром и опрокидываю ее. «Прочь из храма!» Потом мои ученики подбегают к торговцам и менялам, выбрасывают их вещи из храмового двора и прогоняют их. Во двор входят следовавшие за мной паломники и жители города, пришедшие излечиться и послушать проповедь. Я оборачиваюсь к ним и говорю с нежностью: «Блаженнее давать, нежели принимать. Будьте добрыми менялами!»

Мы входим в храм. Находящиеся здесь важные мужчины в богатых одежаниях и высоких шапках сердито смотрят на меня. Потом один спрашивает: «Какой властью ты это говоришь и делаешь? Кто дал тебе такую власть?» Я отвечаю ему: «И я вас спрошу: а Иоанну власть крещения кто дал? Крещение Иоанново откуда было – с небес или от людей? Если скажете мне, и я отвечу вам, кто дал мне власть».

Спросивший не знает, что ответить, и растерянно смотрит по сторонам. Потом шепчется с соседом, и другие тоже вступают в их разговор. Это первосвященники храма. Мне слышен их шепот: «Если скажем, что с небес, тогда он спросит, почему мы не поверили ему. А если скажем, что от людей, тогда народ разгневется на нас, потому что все они почитают Иоанна за пророка». Они продолжают спор, но ничего не могут решить. В конце концов спросивший отвечает мне: «Мы не знаем». Я смеюсь: «Ну так и я не скажу, какую властью я говорю и делаю». Затем обращаюсь к людям: «Царство Небесное подобно царю, который сделал богатый брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых. Но многие не хотели прийти. Тогда сказал он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны. Так пойдите на распутья, и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. Рабы собрали всех, кого нашли, и брачный пир наполнился празднующими. Царь же, войдя посмотреть гостей, увидел там человека, одетого не в брачную одежду. Спросил его царь: друг, почему ты не одет в брачную одежду? Ничего не ответил ему тот человек. Тогда царь повелел слугам связать его и выбросить вон с пира брачного, ибо много званых, но мало избранных».

Первосвященники и книжники понимают, о ком моя притча. Они приходят в ярость, но ничего не могут сделать, так как вокруг много людей, готовых меня защитить. Тогда они хотят поймать меня на богохульстве или речах против власти. Один под видом простолюдина подходит ко мне с динарием и спрашивает: «Учитель, мы знаем, ты справедлив. Скажи нам: позволительно ли давать подать кесарю?» Я беру у него из руки динарий и спрашиваю: «Чье изображение на этой монете?». «Кесарево», – отвечает он. «Так отдавайте кесарю – кесарево, а Богу – Божье», – говорю тогда я. Спрашивающий меня исчезает в толпе. Тогда один законник спрашивает: «Учитель, какая наибольшая заповедь в законе?». Я отвечаю ему с радостью: «Возлюби Бога твоего всем сердцем и душой своей и своим разумением – это первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего как самого себя. На этих двух заповедях держится весь закон». Потом я говорю своим ученикам: «Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на пиршествах. Они, которые поедают дома вдов и лицемерно молятся, примут тягчайшее осуждение». Я вижу, как двое богатых кладут дары свои в сокровищницу, а рядом бедную вдову, которая кладет две лепты, и показываю на них людям: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила, ибо те двое от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание, которое имела. Истинно вам говорю: грядущее Царство Небесное для нищих, обиженных и угнетенных, и придет оно скоро». Люди – нищие и обиженные – радуются моим речам и восхваляют Бога. Я смотрю на них, и меня неожиданно охватывают грусть и тоска.

– Хорошо. Давай теперь переработаем эту ситуацию. У тебя и твоих друзей случился приступ немотивированной агрессии, возможно, из-за предшествовавшего этому употребления наркотиков. И совершенно естественно, что этот приступ закончился опустошением и изнеможением. Нам необходи-

мо переработать состояние агрессии. Для этого ты сейчас снова вернешься к началу этой ситуации. На дорогу, по которой ты едешь на осле. К людям, которые тебя сопровождают. Твой разум кристально чист. Ты совершенно спокоен и уверен в себе. Никакие неприятные впечатления не могут нарушить твое уравновешенное и миролюбивое состояние. Тебе нравится такое состояние блаженного спокойствия?

– Да, мне нравится такое состояние блаженного спокойствия. Мы с моими учениками входим в ворота города и идем к храму. В храме я вижу торговцев и менял...

– Но ты являешь полное смирение и совершенно терпимо к ним относишься. Ведь для Востока торговля – это образ жизни, и он может проявляться везде.

– Да, я совершенно спокоен. Я делаю то, для чего пришел в храм. Я молюсь Богу, кладу дары в сокровищницу. То же делают мои друзья. Совместная молитва в храме вдохновляет и радует нас, наполняя ощущением праздника. Мы с добрыми улыбками смотрим друг на друга, выходим из храма и идем по городским улицам.

– Ты доволен тем, как разрешилась эта ситуация?

– Да, я доволен тем, как разрешилась эта ситуация.

– Хорошо. И тогда нам пришло время выйти из нее и перенестись в другой важный день из твоей прошлой жизни. Раз, два, три, четыре, пять...

Щелчок пальцев.

– Посмотри, пожалуйста, на свои ноги. Во что они обуты?

– В сандалии. Я сижу на земле. Я на праздничной трапезе вместе со своими ближайшими учениками. Я достаю щепотку порошка, слизываю ее. Потом угощаю сидящих вокруг меня и говорю: «Один из вас предаст меня». Ученики растерянно шепчутся, тихо спрашивают меня: «Не я ли, учитель?». Но вместо ответа я говорю: «Очень желал Я есть с вами эту пасху и пить это вино сегодня, ибо не буду уже есть и пить вино до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Божьем». Я слизываю еще щепотку, оглядываюсь по сторонам. Потираю руки. Снова оглядываюсь по сторонам. Потом я вижу хлеб. Беру его, благословляю и разламываю на небольшие куски. Медленно передаю куски ученикам: «Возьмите и ешьте – это тело мое». Они берут и едят. Я вижу вино. Беру его, благословляю и наливаю в чашу. Передаю чашу ученикам: «Возьмите и пейте. Это кровь моя». Ученики берут и пьют из чаши. Я продолжаю говорить: «Предающий меня со мною за столом. Путь сына человеческого таков, как писано о нем, но горе тому, кем он предается». Ученики снова начинают спорить о том, кто должен предать. Я обращаюсь к Петру: «Симон, я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя. Так и ты, обратившись, утверди братьев твоих». «Господи, – испуганно отвечает Петр, – за тобой я готов идти и в темницу, и на смерть». Я улыбаюсь ему в ответ: «Говорю тебе, Петр, не успеет петух пропеть сегодня, как ты трижды отречешься от меня». Потом я поднимаюсь и выхожу из дома.

– Хорошо. Давай теперь переработаем эту драматическую ситуацию. В первую очередь избавимся от присутствия в ней наркотических веществ. Итак, ты снова в комнате на праздничном банкете. У тебя нет никакого порошка, твое сознание кристально чисто. Поэтому у тебя нет никаких наркотических галлюцинаций и фантазий по поводу хлеба и вина, по поводу предательства и отречения. Сейчас ты видишь себя снова в той комнате?

– Да. Я снова сижу на земле в окружении мужчин.

– Очень хорошо. Ты погружен в радостное осознание мужской дружбы и мужского взаимодействия. Ты получаешь простое, но очень важное удоволь-

ствии от присутствия в мужской дружеской компании и осознании себя ее частью. Что ты теперь видишь?

– Я ем хлеб и пью вино. Беру с блюда разные угощения. Я наливаю вино своим друзьям. Мы пьем вместе. Разговариваем об урожае. Перешучиваемся о женщине, которую зовут Мария. Мы немного пьяны и веселы. Подшучиваем друг над другом, гордимся нашей мужской дружбой.

– Отлично. Сейчас ты удовлетворен своим состоянием в той ситуации и тем, как она разрешилась?

– Я не... – медленно, с сомнением начал я.

– Посмотри на своих друзей, – перебил меня Игорь Иванович, – внимательно посмотри на каждого. Ты ведь ценишь эту простую дружбу? У тебя много друзей, каждый из которых готов постоять за тебя и пожертвовать собой ради тебя. Очень редко, когда у мужчины есть столько преданных друзей. Предложи им еще вина, и пусть обязательно они нальют вина тебе. Ты видишь это?

– Да, вижу. Я наливаю им еще вина. Они наливают вина мне, радостно шутят о чем-то.

– Удовлетворен ли ты?

– Да, мы ведем дружеские беседы, и я нахожу в этом радость и удовлетворение.

– Отлично. Тогда нам пришло время выйти из той ситуации и вернуться в настоящее время и пространство. Я сосчитаю до пяти, щелкну пальцами, и ты окажешься в кабинете психотерапевта, в удобном кресле. Ты будешь чувствовать себя посвежевшим и обновленным, полным сил и энергии для новых дел. Я начинаю считать... Раз... Два... Три... Четыре... Пять...

– Здравствуйте. Вы Илья Кучеренков? – Симпатичная девушка со стрижкой «каре» преградила мне дорогу, как только я вышел от психотерапевта. Вслед за ней с кушетки в коридоре поднялись двое парней.

– Да, а что?

– Мы хотели бы взять у вас небольшой комментарий для нашей телепередачи. Меня зовут Арина Постникова, я журналист телеканала «ПраймТВ».

«Игорь Иванович сдал», – подумал я и невольно усмехнулся. Один из парней извлек из объемного чехла большую видеокамеру, чей внушительный вид вызвал во мне некие тщеславные чувства.

– Какой комментарий? – уточнил я вежливо, но с чувством собственного достоинства.

– У вас сейчас есть время? Вам удобно?

– Да, удобно.

– Тогда мы подключим оборудование. Одну минутку...

Оператор с ассистентом установили камеру на штатив, подготовили микрофон, включили яркую лампу и направили ее на меня.

– Илья, в СМИ появились сообщения, что во время сеанса психотерапевтического гипноза вы вспомнили события, которые случились много лет назад в одной из ваших прошлых жизней. Вы могли бы рассказать об этом подробнее?

Перед моим ртом появился микрофон. Я неожиданно разнервничался. Начал многословно рассказывать про свой первый сеанс гипноза, но вскоре сбился, два раза повторил одно и то же слово, запнулся, подыскивая следующее. В горле мгновенно пересохло, на лбу обильно выступила испарина.

– Извините, можно сначала? – стерев пот со лба, спросил я журналистку.

– Ничего страшного, вы можете продолжать с этого момента, мы потом на монтаже вырежем неудачные куски.

– Хорошо. Лампа еще так сильно светит, прямо жарко от нее... – сглотнув слюну и вытерев лицо платком, я продолжил подробный рассказ.

Через пару минут Арина прервала меня:

– Скажите, это правда, что в той прошлой жизни вы оказались никем иным, как самим Иисусом Христом? – она улыбнулась милой, но какой-то бессмысленной улыбкой.

– Да, действительно, так оказалось, что я там... оказался Иисусом... – Я снова начал запинаться.

– Как вы это узнали? То, что вы – Иисус Христос?

Она продолжила улыбаться улыбкой, которая теперь уже казалась мне не просто бессмысленной, а идиотской. Я понял, что она совершенно мне не верит и специально строит вопросы так, чтобы разоблачить шарлатана. От этого покраснел еще сильнее.

– Ну... В смысле? Как узнал?

– Да, как это случилось? На людях ведь не написано, как их зовут. У вас прямо во время гипноза было такое ощущение, что вот я, мол, Иисус Христос. Или это произошло как-то по-другому?

– Да, конечно. Но, во-первых, меня там все называли по имени Иисус... – я заторопился доказать, что не вру и что не шарлатан.

– Но в ту эпоху имя Иисус, насколько знаю, было довольно распространенным, – снова прервала меня Арина.

– Да, но во-вторых, там со мной происходили... и еще происходят, в смысле... события, которые всем известны по Библии...

– То есть, вас там распяли на кресте?

– Ну... Нет. Еще нет. Мы до этого пока не дошли. Сеансы продолжаются. На сеансах так получается, что та жизнь разворачивается последовательно. События той жизни, в смысле... Постепенно, как в реальной истории. В библейской, в смысле, истории... – Я совсем смешался.

– Да, понятно. А сейчас ваши сеансы на каком этапе?

– В смысле? – не понял я.

– На каких событиях той жизни остановились? Ну там... Нагорная проповедь, или встреча с Марией Магдалиной, или предательство Иуды?

– Сейчас в Иерусалим приехал.

– Приехали? – удивленно переспросила журналистка, снова улыбнувшись. – На чём?

– На осле.

Она с трудом сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху, но сумела взять себя в руки:

– Извините, я не так поняла. То есть, в Иерусалим на Пасху?

– Да, – от волнения, своей сбивчивости и – в то же время – понимания, что на телеэкране меня ждет роль круглого идиота, я уже почти ничего не соображал, – на Пасху. И мы там с учениками на тайной вечере. Я говорю им, что кто-то из них меня предаст. И еще, что кто-то отречется от меня, но они не верят и доказывают обратное, – продолжал я, тяжело дыша. – А я... Я наливаю им вино... и кормлю хлебом. Большой лепешкой, очень вкусной.

Я почувствовал, как в Арине вдруг что-то изменилось. Улыбка исчезла, она кашлянула и поспешила закончить интервью:

– Хорошо. Спасибо вам большое.

– Пожалуйста.

Один из парней выключил лампу, и я воспринял это как сигнал – «теперь можно сбежать и исчезнуть». Как будто без света лампы меня не обнаружат и не догонят.

– До свидания, – я проскользнул между Ариной и оператором и бросился по лестнице вниз, даже не спросив, когда можно будет посмотреть отснятый сюжет по телевизору.

13

О времени и месте «разговора» долгое время не могли договориться. Акрам звонил мне несколько раз и в конце концов сообщил: «В восемь в их клубе. Я за тобой заеду. Лучше на одной машине».

В машине, кроме Акрама, сидел только Магомед, который горячо меня приветствовал:

– О, Махди Иса, как ты, дорогой?

Мы умудрились обняться в тесноте автомобильного салона.

– Мы втроем будем разговаривать? – неуверенно поинтересовался я, представляя, что противников «с той стороны» будет человек восемь-десять.

– Нет, зачем. Разговаривать будет Магомед, – «успокоил» меня Акрам. – А мы только поддакивать.

– Я в том смысле... Нас не мало? – уточнил я свои опасения. – Ты же вроде говорил о целой бригаде из Гудермеса.

– Бригада? Да, есть бригада, конечно. Не беспокойся. Они на автобусе.

– На автобусе туда приедут?

– На автобусе. Ты не беспокойся, – повторил он, – сегодня наша цель – поговорить и выйти из здания. Больше ничего. У тебя пистолет с собой?

– Пистолет? – У меня внутри похолодело.

– Ну и отлично. Я просто удостовериться.

– Но у меня нет пистолета.

– Да, я понял. Это сегодня главное – чтобы у тебя не было пистолета.

– А у тебя есть?

– Нет, у меня тоже нет. Я ведь нотариус.

– То есть мы будем безоружными у них внутри? В их логове?

– Нет, зачем безоружными... – вставил Магомед.

– Мага со «Стечкиным». Он силовик, ему можно.

Мы припарковались около клуба. Я хотел открыть дверь и выйти, но Акрам меня остановил:

– Подожди, автобус не подъехал.

– Автобус? – переспросил я.

– Бригада. Ты же сам хотел...

Магомед позвонил по мобильнику и обменялся с кем-то несколькими фразами на чеченском. Через несколько минут около нас остановился «Мерседес-Спринтер» с затонированными стеклами. Но через несколько секунд развернулся, выехал с парковки, медленно проехал по улице перед зданием клуба и скрылся в ближайшем переулке. Я догадался, что целью всех этих маневров было продемонстрировать находящимся в здании серьезность наших намерений.

– Пошли, – скомандовал Магомед.

Внутри нас встретили двое охранников, одного из которых я уже видел раньше. Они провели нас на второй этаж, и там – в небольшую комнату с темными обоями. Внутри никого не было. Один из охранников кивнул на стулья за овальным столом.

– Спасибо, мы так подождем, – негромко ответил Акрам.

Я рассматривал стены и думал о том, что обстоятельства встречи в этой комнате заставят меня запомнить ее незамысловатый интерьер навсегда, даже если я этого не захочу. Репродукция «Бурлаков на Волге» на стене с тем-

ными полосатыми обоями «под старину». Этажерка в дальнем левом углу, и рядом – темно-коричневый кожаный диван. Шесть стульев в классическом стиле вокруг овального стола в центре. Небольшая тумбочка с электрическим чайником и диспенсером с водой у входа. Пальма в стоящей на полу кадке в дальнем правом углу. Судя по всему, комната служила для встреч и переговоров, хотя казалась для этого довольно маленькой.

Через некоторое время в комнату вошли мужчина с женщиной, оба лет сорока пяти, и двое молодых накачанных парней. Женщина показала нам на стулья с левой стороны стола. Мы сели. Наши оппоненты заняли места напротив, молодые парни развалились на диване.

– Меня зовут Ольга, – представилась женщина. – Я замдиректора клуба. Чем обязана?

– Я – Олег, тоже замдиректора, – буркнул ее спутник.

Магомед глянул на Акрама, потом повернулся к хозяевам помещения:

– А директор где?

– За рубежом, в долгосрочной командировке. Но мы полностью представляем его интересы. Все вопросы можно решить с нами, – безразлично проговорила Ольга.

– И долг?

– Какой еще долг? – передернулся Олег.

– Большой долг. Здания этого стоит.

– Кого, перед кем? Вы можете предоставить документы? – почти таким же равнодушным тоном, но теперь с нотками высокомерия, поинтересовалась Ольга.

– Я чё – художник, документы рисовать?! – вдруг взорвался Магомед.

– Твой бойца мой брат оскорбили, мирного напали, инвалидом не сделали. Какой тебе документ нужен?

– Если на то пошло, я могу быть художником, как выразился мой брат, – спокойно проговорил Акрам, – и могу предоставить все документы – медицинские справки и счета из больницы, – он смотрел на Олега спокойным ледяным взглядом, – и еще копии четырнадцати авиабилетов моих братьев и племянников, которые из беспокойства за меня прилетели сюда из Гудермеса. А также отпускные документы Магомеда Багаева, подписанные... В общем, захотите узнать, кем – пришлю скан, сами увидите, кем подписанные. Магомеду отпуск очень трудно взять, на работе ценят, работы много. Подойдут такие документы? Или еще не хватает?

Ольга потеряла ладонью горло, потом принялась тереть большой золотой крестик на шее.

– Чё за фигня? – Олег глянул на свою коллегу, потом на парней на диване, но, видимо, не нашел в их взглядах того, что желал увидеть.

– Чё за фигня? – еще раз повторил он. – Или я что-то не понимаю? А, Оля? – Он снова повернулся ко второму заму.

– Я сама не понимаю, Олег, – ровным голосом ответила та. – Видно, что у людей претензия. Судя по всему, из-за твоих ребят. Надо теперь понять, какова претензия и готовы ли мы ее удовлетворить.

– А если их просто выкинуть отсюда на хрен?

– Размер претензии возрастет, – спокойно ответил Акрам, опередив реакцию Магомеда, которая могла быть непредсказуемой, – значительно.

– Какая претензия, до сих пор ничего не понимаю, – вдруг резко сбавил тон Олег. – Оля, ты понимаешь?

– Претензия – здание. Сказал же. Что «не понимаю»? – возмутился Магомед.

– У Магомеда отпускные на неделю. Надо успеть решить. Придем в пятницу. Надеемся, документы будут у вас на руках. Не будем больше занимать ваше время, – все так же спокойно проговорил Акрам.

– До свидания! – Магомед вскочил с места. – Будьте здоровы, пока – до пятницы.

– Спасибо, вам того же, – Ольга поднялась вслед за ним.

Магомед обернулся к охранникам на диване, над которыми изможденные бурлаки на картине бесконечно тянули по широкой реке судно, прилежно отработывая неизменный сюжет школьной программы. Он кивнул головой на репродукцию и широко улыбнулся парням:

– Чё, инструкция вам висит, как на шефа пахать, да? Ничего, скоро на меня работать будете. Я обижать не стану.

– Мы, кажется, уже попрощались, – проговорил Олег. Охранники промолчали.

Выйдя на улицу, я осмотрелся. Жадно вдыхал воздух. Хотелось разложить несметное богатство его на все малейшие составляющие – еле заметные шлейфы ароматов, запахов, порывов, влажности, движений молекул и атомов. Как невероятно много всего было в том воздухе, который, попадая в мою грудь, распирал меня от счастья. Микроавтобус с нашими бойцами стоял в переулке. Я жив. Мы выполнили задачу, которую поставил Акрам: поговорить и выйти из здания. И, значит, жизнь продолжается. Продолжается, черт возьми.

Акрам с Магой, оба чуть ссутулившись, не оборачиваясь и не глядя по сторонам, шли к машине. Я умерил свой пыл и поспешил за ними.

Мы молча расселись по местам. Акрам завел двигатель, и машина выехала на проспект.

– Мага, четко их обработал, – наконец проговорил Акрам и улыбнулся, – «инструкция вам, как на шефа пахать надо».

Магомед довольно покачал головой:

– Ты тоже так хорошо говорил...

– Это ладно. Мы-то с тобой от страха что-то лепетали. Зато Илья вон как сурово молчал... Слова на ветер не бросит. Те там, наверное, только и молились: «на всё согласимся, лишь бы только этот суровый мужик не заговорил. А то если он заговорит – нам вообще конец».

– Да ты расскажешь... – нервно хохотнув, я хлопнул его по плечу.

Наш смех прервал телефонный звонок Магомеду. Он ответил что-то почеченски.

– Поедем покушать, выпить сегодня, немного позже? – полувопросительно-полуутвердительно произнес Акрам, немного наклонившись ко мне. Это была обычная форма его приглашения.

– Поедем, – коротко согласился я.

– Я позже за тобой заеду.

– Замётано.

Могло показаться, что это приглашение на ужин являлось своего рода благодарностью за мое участие в разговоре, но я давно знал Акрама и понимал, что это не так. Через два часа мы с ним сидели на крытом балконе кафе «Панорама», на двенадцатом этаже. Пили виски, ели мясо. Почти не говорили. Охватившая нас после разговора в клубе шальная веселость исчезла, уступив место неторопливой меланхолии. Ко мне опьянение пришло незаметно, но потом накрыло уверенной сильной волной. Слушая жалобы Акрама на родствен-

ников, всё настойчивее требовавших от него остепениться и завести семью, я замечал, что периодически выпадаю из осознания окружающего.

– Пойду отолью, – Акрам допил виски и поднялся со стула.

Я хотел составить ему компанию, но засомневался в возможностях своего проспиритованного тела и остался в удобном кресле. Перевел взгляд на город, потом – на пластиковый полукруглый свод козырька балкона над собой. Такой же полукруглый, как радуга. Но сейчас в нем сконцентрировался только один цвет – теплая желтизна света. Его тоже можно было назвать радугой – но только не спектром цветов с привычным «каждый охотник желает знать...», а спектром оттенков тёплого света, отражённого от вечерних огней города внизу. Или звёзд вверху? Или не отражённый? Божественный свет сверху, замаскированный под отражение городских огней? Я вжался в кресло. Меня начало немного морозить, но было приятно. Вжимаясь в кресло и словно пытаюсь свернуться в клубок, я упивался сводом света. Свет проникал в меня до самой глубины и, как ни странно, не раздражал глаза – может быть, потому, что был моим светом? Совпадал с тем, что у меня внутри? И всё, что я мог делать в тот момент – смотреть на этот свод света и пить его, пить.

Потом я подумал о том, что если этот свет – отражение всех городских огней внизу, то в нём сконцентрирована вся городская жизнь – всех тысяч и миллионов людей, сошедшихся вместе и образовавших тем самым город, которые сейчас, в вечерней темноте, прилепляются к разным лампам и источникам освещения. И всё это собралось теперь вместе и отражается пластиковым козырьком балкона для меня. Или всё-таки это свет Бога-отца? Собирающего свет от людей с Земли, пропускающего его через Себя, усиливающего бесконечно и отражающего обратно. Например, лично для меня – через этот полупрозрачный пластиковый навес.

Я был сильно пьян. Но сумел некой частью своего сознания – наблюдающей и старающейся сохранить объективное восприятие окружающего мира – отметить, что я вдруг абсолютно естественным образом использовал абсолютно неестественное для моего словарного запаса «Бог-отец».

Вернувшись домой, раздевшись и умывшись, я первым делом потянулся к дневнику Лены. Опьянение оказалось весьма эффективным способом заглушить голос совести.

В этот раз я нашел несколько содержательных и любопытных записей о себе:

«14.02.2011.

Встреча с И. и первые дни с ним были чудесны. Ни с кем до этого у меня не было ничего похожего. Мне казалось, что я встретила самого милого оболтуса на этой планете. Он был "пушист" и забавен. "Пушистость", конечно, понятие условное. Но именно под ней я понимаю его толстые губки, густые ресницы и брови, манеру трогательно морщить нос. Да и вообще в его мимике, движениях, повадках много трогательного. Именно эту трогательность я, наверное, и называю "пушистостью", думая о нём. А потом... Что происходит потом? Наверное, потом происходит то, что всегда происходит потом. "Пушистость" ведь не исчезла. Но стала обыденной. Хотя в обыденности тоже много милого и чудесного. Мило ходить вместе за продуктами и узнавать любимую еду друг друга. Мило рассчитывать вместе на кассе, брать друг у друга деньги – как будто они уже общие при семейном бюджете. Чудесно выносить вместе мусор, а потом по пути от мусорки до подъезда неожиданно свернуть к дворовой лавочке и посидеть на ней, обнявшись – наблюдая за детьми во дворе. Небольшие, но такие чудесные радости жизни. Мне нравилось, что И. чувствует и ценит их так

же, как я. Но уже тогда я почувствовала, что под "пушистостью" И. живёт и что-то ещё. Какая-то инородная и пугающая сущность, невидимая для него самого. Некий зверь или, по крайней мере, зверёк. И "пушистик", как в каком-то старом американском фильме, который я видела в детстве, может в полночь превратиться в страшного зубастого монстрика. Я почувствовала это ещё до того, как у него начались ночные кошмары. А с кошмарами образ монстрика стал явственнее. Я поняла, что он сам в первую очередь будет мучиться от этого зверя в себе. Но сам он совершенно не подозревает о его существовании».

«28.02.2011.

Почему я не рассказала И.? Сама не знаю, если честно. Но что-то меня удержало. Какие-то первобытные страхи. Я уже писала о том, что чувствую в нём иногда некоего монстрика, и вот – писала не зря. Проявился, кажется, во всей красе. И для меня это не монстр, а монстрище. Чье имя мне никогда не забыть. С чьим именем на губах страшные уродливые люди несли огонь к дровам подо мной. С чьим именем на губах страшные уродливые люди окружали меня и призывали смерть. Кидали в меня комья навоза и камни, и орали "сожги ее, сожги"».

«10.03.2011.

Предыдущие разы И. говорил во сне на русском, а сегодня – на каком-то тарабарском. Это меня вообще сильно испугало. Хотя какая разница, на каком языке... Я опять ничего ему не сказала. Не сообразила сразу записать то, что он говорил, на телефонный диктофон. Обидно. Можно было потом какому-нибудь специалисту дать прослушать – узнать, на каком это языке. Хотя у меня есть подозрение, конечно».

«12.03.2011.

Снова ночной разговор во сне. Я записала на телефон. Отнесла раввину. Он ничего не понял, но сказал, что расслышал вроде знакомые слова. И что вообще это звучит как какой-то очень странный диалект или иврита, или арабского. Может быть, древнееврейский или арамейский, или ещё какой диалект. Он отправил звуковой файл знакомому в Израиль. Тот подтвердил, что это скорее всего какой-то диалект арамейского, он слышал похожий от одного сирийца, разговаривающего на арамейском. Но звучание и ему показалось странным.

Я рассказала раввину про остальное с И. Он удивился, долго ещё обо всём расспрашивал, о каких-то мелких незначительных деталях, но сам ничего толкового не сказал. Потом я сама задала ему то ли глупый, то ли умный вопрос: может ли быть так, что И. – Мессия, но сам он об этом ещё не догадывается? И тогда получается, что это всё-таки второе пришествие Мессии? Но он опять ничего толком не ответил. Прочитировал какие-то книги и каких-то знаменитых раввинов, сказал, что вообще так быть не должно и вообще не может быть. Но что если что-то происходит – значит, оно уже есть и потому быть может (не совсем так уж, конечно, сказал, но смысл в целом такой).

Тогда я задала второй глупый или умный вопрос: а если всё это действительно так, то окажется, что христиане всё-таки правы, а иудеи – нет? На это раввин вообще испугался, замахал руками и сказал, что такого точно не может быть – согласно каким-то другим там знаменитым книгам. После этого фактически выгнал взашей, но напоследок сказал, что вообще всё, о чем я рассказала – очень важно, и что мне нужно дальше внимательно наблюдать. А он, со своей стороны, попросит знакомого из Хайфы изыскать возможность для перевода аудиозаписи. Ну а я чтобы, в случае повторения разговоров во сне у И., снова их записывала и ему передавала.

После этой встречи я долго находилась в каком-то смешении чувств. Да и сейчас ещё толком ничего ни сказать, ни объяснить не смогу».

Чтение записей давалось с трудом. Глаза слипались, опьянение придавливало тело к дивану, стремясь придать ему максимально горизонтальное положение. Устав бороться, я опустил голову на Ленин дневник и был уже почти готов использовать его как подушку. Но вдруг вспомнил о своде света в ресторане. Нестерпимо захотелось увидеть его снова. «Может быть, он и сейчас надо мной – на крыше дома, в котором я живу? – зажглась в мозгу навязчивая мысль. – Может быть, нужно просто подняться на крышу, чтобы увидеть его? Нужно проверить – прямо сейчас!» Горение этой мысли отогнало сон. Я встал с дивана, взял кофту и вышел из квартиры. Вызвал лифт и поднялся на последний этаж к дверце на чердак. Её никогда не закрывали, и летом я иногда даже поднимался на крышу загорать.

Свода света на крыше не было. Зато здесь разместилось НЛО, то же самое, которое мы с Леной видели раньше. Но теперь оно увеличилось в размерах и занимало почти половину поверхности крыши. Форма его тоже изменилась – из дыни-«торпеды» оно превратилось в обычную плоскую и круглую «летающую тарелку», как на классических фотографиях UFOлогов. Движимый необъяснимым порывом, я с криком бросился к НЛО:

– Что тебе надо?! Что хочешь?! Что висишь тут, сука?!

Я почти добежал до него, почти ударил кулаками по мокрой матово-металлической поверхности. Но оно вдруг стало прозрачным и исчезло. Не улетело – просто исчезло. Я оглянулся. Свода света так и не появилось. Городские огни мерцали внизу подрагивающе и неуверенно. Дул пронизывающий ветер, накрапывал мелкий дождь. Стуча зубами от холода, я поплелся к выходу с крыши.

Утром во рту – жерло вулкана после извержения, сухо и горячо. Голова – потрескивающие склоны кратера того же самого вулкана. Тяжелое и тупое похмелье. Зачем столько пить? Да ещё в середине недели... Сил – физических и психических – хватило только на то, чтобы дозвониться до офиса и сказаться больным.

Долго потом лежал в горячей ванне. Представлялось, что моё тело, как губка, впитывает воду. Одновременно с этим пил минералку из пластиковой бутылки. Хотелось, чтобы вода, впитываемая телом через кожу, встретилась с водой, вливаемой внутрь через рот. Ни о чём другом не думал. За последние дни произошло так много всего, что мечталось и казалось естественным перезагрузить все внутренние процессы и обнулить временную память – словно на компьютере – пока все блоки не перегрелись и не зависли... Заснул, лёжа в ванне. Проснулся от холода: случайно сдвинул заглушку, и вода постепенно слилась в приоткрывшееся отверстие. После непродолжительного сна почувствовал себя лучше. Боль в голове немного утихла, сознание обрело относительную прозрачность, появилось чувство голода. Подумал, что после обеда можно и на работу пойти. Но в результате недолгой борьбы между чувством долга и ленью последняя одержала верх. Пообедав «Дошираком», опустил жалюзи, сел за компьютер и запустил игрушку. Суровый бег по мрачным лабиринтам катакомб. Выстрелы и взрывы. Кто-то дышит в спину – то ли в наушниках, то ли наяву. «Кто здесь?» Неожиданно накатило ощущение ужаса, как в ночных кошмарах. Я поставил игру на паузу, оглянулся, снял наушники. Никого, конечно. Встал из-за стола, прошел на кухню, налил чаю. Конечно, никого. Со стаканом чая и печеньками вернулся к компьютеру, снял игру с паузы. Снова бег вперёд. Расстреляв двух врагов, вбегаю в большое подземное помещение, заставленное ящиками и контейнерами.

– Кто где-есть? – произношу вслух с усмешкой.

Обхожу один блок ящиков, другой... Фигура мелькает в узком просвете – посылаю туда очередь трассирующих пуль. Кажется, безрезультатно. Одиночные выстрелы сзади. Экран начинает заливать прозрачно-розовым – ранен. Резко оборачиваюсь – никого. Бегу вперёд, расстреливаю ещё очереди по сторонам, на всякий случай. Снова одиночные выстрелы – теперь сверху. Экран краснеет. Я в панике отступаю к выходу, стреляю вверх, по сторонам. Фигура мелькает между ящиками, но мои пули не успевают её задеть. Спрятавшись в проёме коридора, внимательно осматриваю зал. Ни единого шороха, ни шевеления, но я уверен, что мой враг здесь. С волнением позволяю своему сознанию принять то, что моё подсознание уже знает последние несколько минут: мой враг – старик с пистолетом, чьими движениями управляют тонкие быстрые пальцы Маши. На мгновение мне хочется опустить автомат и выйти в центр подземного зала: «Здравствуй, Маша», но инстинкт бойца заставляет перебежать к ближайшему ящику, выпустив короткую очередь в ту сторону, откуда атака противника наиболее вероятна. Обхожу ящик по периметру. За углом – фигура. Старик в плаще стоит в центре зала, рука с оружием опущена. Но то, что дуло пистолета направлено вниз, я понимаю только после выпущенной в него густой автоматной очереди. Старик валится на пол. Я подхожу к обездвиженной фигуре, молча стою над ней. Кажется, что нарисованно-мультипликационное мёртвое тело с экрана смотрит в меня. Проходит невероятно много – по меркам компьютерной стрелялки – времени. Мы смотрим друг в друга. Потом я набираю сообщение игроку:

«Встретимся?»

«Встретимся».

То ли рыбье, то ли русалочье тело её – тонкое, гибкое, сильное...

Она откинула одеяло, легла на живот:

– Нарисуй мне на спине цветок.

– Какой?

– Неважно. На твой выбор. Всегда мечтала, чтобы мужчина однажды нарисовал на моей спине цветок.

– Еще никто не нарисовал?

– Неа.

– Не было мужчин?

– Неа.

– В смысле, это честь для меня? Я первый, кого ты считаешь мужчиной?

– Ну вроде как. Остальные – клиенты.

– Спасибо. Только я рисовать не умею. Может, сходим в тату-салон? Тебе там нарисуют красивый цветок, а я поставлю последнюю точку?

– Нет. Неважно. Нарисуй просто ручкой. Чёрной чёртовой шариковой ручкой. И если можно, не очень долго, а то замёрзну, – она шмыгнула носиком.

Я взял со стола ручку и начал рисовать на её спине аляповатый цветок в стиле «рисуют дети» – то ли герберу, то ли ромашку с огромными лепестками.

– Щекотно, – прыснув, передёрнулась Маша.

– Скоро закончу, – я надавил сильнее.

– Я там понаписала тебе всякой шняги в скайпе. Ты не принимай всерьез.

– М-м, – я замялся, не зная, что ответить. – А меня вообще-то впечатлило...

– Только не скажи, что решил встретиться со мной из-за того, что я написала...

– Ну... – я снова начал впадать в нерешительное мычание.

– Вот же ж... – вдруг резко выдохнув через нос, Маша быстро поднялась и начала одеваться.

– Подожди... Маш... Что случилось? Ты обиделась?

Она ничего не отвечала. Молниеносно натянула на себя водолазку, потом джинсы.

– Что случилось? – Я попытался взять её за руку, остановить.

– Ничего. Прощай, – и она убежала.

Тишина в квартире давила. «Нужно пойти на актёрское», – вдруг осенило меня. После эпического провала на прошлом занятии я думал, что больше никогда туда не вернусь. Но мне ведь была предложена роль в спектакле, и я не мог подвести преподавателя. Вдобавок, занятия были оплачены за месяц вперед – не хотелось терять деньги. И ещё... Ещё я жаждал реванша... Случившееся в прошлый раз фиаско было досадной неудачей, глупым недопониманием. На самом деле преподаватель не раз отмечал мои способности. Несколько раз говорил, что я «очень быстро расту». А провалы наверняка случаются у всех – даже у заслуженных и опытных актёров. Нужно просто учиться справляться с этим. Приобрести ещё один навык, необходимый для сценической работы. Так убеждал я себя по пути в студию.

Преподаватель, действительно, встретил меня приветливо – как будто ничего не случилось. Разминка, игры на контакт с партнёрами по сцене, шутки, музыкальные номера на пластичность. Скудное упражнение на декламацию. Я прочитал вслух неизвестное мне детское стихотворение, в котором среди персонажей фигурировали в том числе Ленин и Сталин (где наш преподаватель умудрялся находить такие материалы?). Потом импровизационные этюды в парах. В партнёры мне достался новичок Костя, которого я видел на занятиях второй раз. Невысокий паренёк с закрывающими лоб сальными волосами, лоснящейся кожей с пятнами то ли от оспин, то ли от удалённых угрей, и до мяса обгрызенными заусенцами на пальцах.

Преподаватель задал ситуацию для этюда:

– Вы два скрипача на бале сатаны, или Воланда – если хотите. У вас были две одинаковых скрипки, но одна неожиданно куда-то пропала, и вам теперь осталась одна скрипка на двоих. Вот-вот объявят вальс, и если сатана обнаружит, что кто-то из вас не играет – то сдерет с того кожу. Но тут кто-то из вас вместо скрипки находит саксофон. Стартовая фраза: я вам не Страдивари, чтобы пиликалки стругать. Поехали, – он хлопнул в ладоши.

– Я вам не Страдивари, чтобы пиликалки стругать, – монотонно пробубнил мой партнер, – вот чушек резать – другое дело. Кожу потом содрать, острым ножиком. Можно не сдирать, конечно, а просто паяльной лампой опалить, но я люблю сдирать. Надрезать у копыток, вокруг головы полоснуть, и потом с горла к жопе ножом – пороть, пороть аккуратненько. С окороков вообще легко снимается, можно без ножа. Но только лучше жопу сразу обработать, вырезать яйца там... всё хозяйство, короче, по кругу, как пробку, и вытащить...

Я бросил беспомощный взгляд на преподавателя, не представляя, как реагировать. Меня прошиб холодный пот, кровь прилила к лицу. Но преподаватель, скрестив руки, с интересом – как ни в чем не бывало – наблюдал за происходящим.

– Я же не про тебя, чё потерялся, – вдруг резко и сильно ткнул меня локтем под ребра – так, что дыхание перехватило – мой партнер, – но сказали же, не найдем пиликалку – и с нами такое сделают. Чтoб понимал.

Зрители почему-то рассмеялись.

– И так понятно, – наконец вставил я, – ты за шкафом смотрел?

– Не, я вот чё скажу... С моей пиликалкой всё нормально, надо сбацать – сбацаю. А лохов надо наказывать, согласишься. Вот ты не смотрел за своим – и тебя наказали. Но тебе хоть повезло – другой лох какой-то саксофон оставил. Бери играй – пока он хайвай не поднял и за ним не вернулся. Начнёшь играть – сделаем вид, что так и было.

Зрители вместе с преподавателем снова рассмеялись.

– Скрипку неизвестно кто ещё потерял... – начал возражать я, – может, вообще, это сам Воланд решил над нами подшутить? И – фух – умыкнул... Сейчас за нами наблюдает и хохочет.

Не слушая меня, Костя слегка пританцовывал и тихо что-то напевал. Вдруг снова с усмешкой ткнул меня – теперь уже кулаком – в рёбра:

– Чё, а ты чушек резал, или других там зверей – собак, кошек... Кошкам в детстве глаза выкалывал?

– Ты маньяк какой-то, по-моему, а не скрипач, – я оттолкнул его – чуть не со злобой и по-настоящему, но сумел сдержаться и сохранить ситуацию в рамках актёрской игры.

– Мы ж у сатаны, чё стесняться... Так чё, резал чушек, а? Ну согласишься, чё там... Все свои. Расскажи... – Костя снова небрежно выбросил кулак мне в грудь.

Я увернулся и в ответ сильно толкнул его в грудь.:

– Не трогай меня! – повернулся к залу. – Извините, что-то не получается у меня.

– Ну что ты... – преподаватель ободряюще похлопал меня по плечу, – сегодня, кажется, ты действительно не в форме. Посиди, отдохни. Костя, ты как?

– Я норм. Извините. – Костя быстро выпрямился, выйдя из образа, и вдогонку взял меня за локоть: – Всё нормально?

Я обернулся к нему:

– Да, нормально. Это вы меня извините.

Он молча кивнул головой, одновременно подмигнув обоими глазами и улыбнувшись. Потом ещё раз кивнул и протянул руку для пожатия. Я пожал крупную влажную ладонь.

На сцену в тот вечер я больше не выходил. Сидел среди зрителей, смотрел, как выступают другие, наблюдал за Костей. Он во всех заданиях перевоплощался в того же самого гопника-садиста, что и в этюде со мной. Но как только выходил из сценического образа – сразу превращался в тихого, безобидного и подчёркнуто вежливого паренька. Мне это казалось странным, но другие, похоже, не обращали внимания.

После занятия, когда я переодевался, ко мне подошёл преподаватель:

– Как дела, Ильюш?

– Всё в порядке. На работе просто тяжелый день был, – с готовностью соврал я, – наверное, из-за этого сорвался. Но и Костя странновато себя на сцене ведёт, чувства контакта с партнёром пока совсем нет.

– Да, он своеобразный товарищ, – легко согласился преподаватель, – многому ещё учиться нужно. Но что-то в нём есть, какая-то своя энергия. А что с работой у тебя? Нагрузка большая?

– Да, аврал там, небольшой...

– Может, тебе отдохнуть от занятий пока, не перегружаться. Ты не должен чувствовать себя обязанным приходить на каждое занятие. Тем более, что со спектаклем некоторые изменения. Драматургия немного меняется, и расстановка персонажей соответственно... Твою роль пришлось сократить.

Приняли решение использовать другой типаж. Не добрый благородный паренёк, как ты, а эдакий грубоватый мускулистый мачо-мужлан, вроде Димы. Поэтому с Димой нам придётся поработать, а тебя в следующий спектакль пригласим, обязательно. Талант и энергетика у тебя замечательные, любому режиссеру глупо этим не воспользоваться, – он похлопал меня по плечу.

– А мою роль насколько сократить пришлось?

– Э-м...м... Сократить – в смысле совсем сократить. Этого персонажа теперь не будет в спектакле. Ты только не расстраивайся, я тебя обязательно приглашу в следующий спектакль. А сейчас это, наверное, даже к лучшему – чтобы ты немного отдохнул, пришёл в себя, пока на работе аврал...

– Понятно, да... – неожиданно у меня на глаза навернулись слёзы, и я постарался скорее завершить разговор, – у меня сейчас действительно сложный период. Ладно, пойду, а то тороплюсь...

– Хорошо, конечно. Держись, ты молоток. Набирайся сил и нацеливайся на следующий спектакль, – преподаватель пожал мне руку и вышел из раздевалки.

14

Следующим вечером мизансцены у ночного клуба почти в точности повторили позавчерашние. Круг почета Mercedes Sprinter. Въезд на парковку нашей машины, в которой снова – Акрам, Мага и я.

Те же действующие лица за столом в комнате переговоров, и бурлаки на картине над диваном всё так же тянут лямку.

Я нервничал ещё сильнее, чем во время предыдущей встречи. Пытался под столом незаметно обтереть влажные ладони об джинсы. Поднял взгляд на бурлаков над головой Маги и вдруг невероятно явственно представил, как я встаю со своего места, перешагиваю через стол, через Магу и иду в картину. Подхожу к бородатым и лохматым мужичкам, угощаю их порошком и говорю: «Хотите стать не ловцами кораблей, а ловцами человек? Тогда идите за мной». «Пошто рану солью сыпешь, мил человек», – успеваешь ответить их шишка до того, как я замечаю белый конверт на столе и возвращаюсь в комнату переговоров.

– Мы обсудили вопрос и готовы выплатить компенсацию за причиненный нашими людьми физический и моральный ущерб, – Ольга, пухлой рукой придавливая к поверхности стола пухлый конверт, медленно двигает его по направлению к Акраму и Маге...

Мага протягивает руку к конверту, но Акрам молниеносным движением перехватывает его запястье:

– Не торопись... Вдруг там... бомба... – подмигнул он родственнику, усмехнувшись.

Мага послушно убрал руку.

– Уважаемая Ольга, можно попросить вас открыть конверт и показать нам, что там? – обратился Акрам к хозяйке.

Ольга презрительно сморщилась, но развернула конверт и достала оттуда пачку красных купюр.

– Что за деньги? Что так мало? – громко возмутился Мага.

– Я полагаю, это покрывает те расходы, которые вы озвучили... в прошлый раз, – довольно спокойно ответила Ольга, но на последних словах её двойной подбородок как-то резко и неестественно дернулся – то ли от злости, то ли от волнения.

– Не покрывает, – холодно ответил Акрам, – размер нашего требования мы озвучили достаточно ясно. Я очень разочарован, что сегодня нам зря при-

ходится терять время. Если вам сейчас нечего больше добавить, мы уезжаем. У Магомеда остается четыре дня. Через два дня нам придётся приехать ещё раз – в последний раз, и я очень надеюсь на ваше благоразумие. Мы знаем, кто контролирует актив. До свидания, – Акрам поднялся из-за стола.

– До свидания, – мы с Магой последовали его примеру. Вышли в коридор, свернули к лестнице. Спускаясь по ступенькам, Мага задумчиво-презрительно смотрел на темно-болотные обои стен.

– А-ай, некрасиво, что за цвет, – он вытасил пистолет и, ткнув ствол в расплывчатый узор, повел от него вниз, оставляя по пути своего следования толстую царапину, – менять надо будет, ремонт делать...

– Дебилы, – Акрам сплюнул в сторону, когда мы, покинув здание, шли по направлению к машине. – Не люблю такое. Но приходится... Что делать...

Вечер я провел на диване, попивая пиво и уставившись в телевизор, показывавший не смешную, но ярко-красочную и приторно слащавую российскую комедию, больше похожую на затянувшийся рекламный ролик, чем на кинофильм. Но я досмотрел до финальных титров. И даже больше – до рекламного перерыва вслед за ними. Потом нажал красную кнопку пульта – «off». Встав с дивана, услышал шорох. Или показалось? В поздних сумерках или в ранней ночи, когда в пустой квартире выключен свет, часто возникает такое чувство. Сгущающаяся темнота пытается превратиться в физическую материю, в почти невесомые рыхлые ткани. Но безнадежно – её сил хватает только на шорох перед невозможным превращением, и тьма остаётся перед запертой границей физического мира. Но только я с облегчением подумал об этом – что тьма всегда остаётся за границей физического, меня вдруг охватил необъяснимый ужас. Оцепеневшее тело пробил пот, во рту появился металлический привкус. «Кто здесь?» Я чувствовал чье-то жуткое присутствие. Словно в кошмаре, хотел пошевелиться, но внутренний лёд сковывал все мышцы. Невероятным усилием воли я дотянулся до пульта телевизора и снова включил его. Комната наполнилась тусклым светом, и окружающее пространство сразу изменилось. Стало привычнее и понятнее. Я встал с дивана и включил верхний свет. Никого. Прошел на кухню, включил свет там. Ярко, привычно, тепло и уютно. Никого. Я подошёл к ящику со столовыми приборами и открыл его. Пересчитал вилки – все на месте.

«Кто здесь?» – я вспомнил, как в каком-то старом советском фильме – вроде как интеллектуально-фантастическом – главный герой всё время оглядывался в пустой комнате и хрипло кричал: «Кто здесь?». Под этим невидимым кем-то подразумевался, судя по всему, Бог.

– Вот и дожился – похож на героев советских интеллектуально-фантастических фильмов, – тихо проговорил я вслух и усмехнулся.

Перед тем как лечь спать, инстинктивно включил компьютер – проверить сообщения, глянуть новости в Интернете. В углу экрана – маленький яркий маячок скайпа. Сообщения от Маши.

«Странные мысли приходят ко мне. Например, мысль о невинности. Хочу невинности. Очень рано потеряла ее я. Целая жизнь уже без невинности прошла. Нехорошо от этого. И ведь не может уже быть по-другому. Невинность не возвращается. Не обретается заново. Две моих знакомых подружки уже два раза делали операцию по восстановлению девственной плевы. Клиенты круто платят за девственниц. Несколько раз предлагали и мне. Но не захотела я – боли боялась. И вообще. Так стрёмно это. Хотя они старше меня. Может, в их возрасте и я захочу это сделать. Фу. Это такая злобная насмешечка над

невинностью. Хуже, хуже сто раз. А ведь если вернуть невинность – то это как воскрешение, да? Или воскрешение – это как возвращение невинности? И рай – просто всё то же самое, что здесь, только в состоянии абсолютной невинности – невинности, которую невозможно потерять?»

«Мне нравится нюхать запах дезодоранта из туалета. Дико болезненное в этом что-то, знаю, лол. Зачем пишу я это всё тебе? Хрен знает. Самый простой ответ – потому что больше никому. Но и самый дурацкий ответ. Знаю».

«Хочу вернуть невинность я. Как? Выкинуть один кусочек мозга, в которм всё, что я видела, всю эту гадость и мерзость, выключить, стереть все мои воспоминания, отформатировать диск. Как? Как? Где эта кнопочка форматирования диска? Что делать? Так всё безнадежно падает. В одну сторону. Как капля сорвалась, уже не поймать. Падаешь – уже не за что захватиться. Всё в одну сторону. Любое движение вперёд – потеря невинности.

Много пишу фигни. Много пишу "я", "я", "я". И в этом тоже потеря невинности. Когда я была невинна – этого "я" было еще так мало. А с каждым шагом вперед «я» становится всё больше и больше, больше и больше. Пока не чихнет оно, вдохнув пепел праха после крематория, и тогда уже не заглохнет совсем. Ты не поверишь – я снова была в той церкви. И всё было уже совсем не так, как тогда – когда я была там первый раз. Совсем не то. И это тоже потеря невинности. Когда пришла первый раз я, и первый раз увидела этого Христа, который не мог улететь – тогда именно в этом – в смотреии на него первый раз – была я невинна. А когда пришла во второй раз – уже увидела другое. Смотрела уже не глазами невинности. И уже не могла я увидеть то, что увидела в первый раз. А так хотела я, так хотела! – увидеть то же самое, теми же невинными глазами. Уносит меня... Всё время уносит меня куда-то. И от невинности тоже. В прямом и переносном. Лежу сейчас с ноутбуком в постели. После очередного. Нет, он, в принципе, не плохой – кто приходил ко мне сегодня. Старается быть нежным. Не сделать мне больно. Говорит умно и вежливо. Шампанское приносит иногда (сегодня, правда, не принёс – жал, сука, но у меня кое-что другое было))) – и сейчас пьяная лежу). В общем, что говорила я? Да, он даже в чём-то милый и хороший, но такой ведь козлина для меня! Когда кончает. Да и во всё другое время. Потому что не могу посмотреть я на него глазами невинности. Потому что он, тем более, эту невинность мою кромсал, отбирал у меня по частичке. А могло быть всё по-другому... Нет, не могло быть по-другому. Все пути только прочь от невинности. Где найти обратный путь – обратно к невинности? Может ли он существовать?

Прости меня, милый! Я... Я... Опять "я", "я"... В общем, прости меня. Просто не знаю я, что делать с тобой, с собой, с той церковью и всем-всем-всем этим...

Зато скоро выпускной. Лол.

Ещё один шаг прочь от невинности.»

Её значок показывал «не в сети», но я всё равно написал:

«Встретимся завтра?»

Мелкий весенний дождь. Час пик. Хаос звуков, света, красок – одновременно и перемещающийся по мокрым артериям города, и словно застывший. Мы с Машей идём по тротуару – как по краю этого хаоса. Она вцепилась обеими ручками в мой локоть и предплечье.

– Этот дождь... Так классно. Я очень люблю дождь, – поводит в стороны нежно-острым кончиком носа, быстро вдыхает, быстро выдыхает. – Классно, что под таким дождем с тобой. А ты? Ты любишь дождь?

– Не знаю... По-моему, нет. Во всяком случае, бродить под дождь не выхожу. Хотя... Что-то в нём есть.

– Да, что-то есть, – с готовностью соглашается Маша и улыбается, – что-то есть.

Мы встретились на летней площадке кафе час назад, когда дождь еще не начался. Я первым увидел её – сидевшую за столиком боком ко мне. Тянула из трубочки какой-то коктейль, читала книгу (позже я разглядел название на обложке – «Фрэнни и Зуи»). В тот момент в её фигуре и внешности меня поразило что-то новое и незнакомое, как будто обнажилась её истинная сущность. Распахнулось запотевшее окно, смазывавшее краски и очертания, и реальный мир за ним впечатывает в сетчатку твоих глаз яркость цветов и контрастность линий. Ощущение было таким явственным и почти осязательным, что мои губы зашевелились, начав шепотом проговаривать его: «Маша – жёрдочка, тонкая палочка, угловатая линия, последняя женщина в своём роду. Всё твоё женское может быть выражено лишь только телом, проданным телом. Ты оборванное звено обречённой цепи. Нет никого до, и не будет после...»

Я не мог ничего сказать, когда Маша, улыбнувшись, встала из-за стола навстречу мне. На моих глазах были слёзы, горло сдавило жгутом.

Весь тот вечер она жизнерадостно болтала, а я – смущённо молчал. Поддакивал или отвечал невпопад, жалко улыбаясь и оправдываясь за свою рассеянность. Так мы дошли до дома, в котором она жила – недалеко от кафе, где встретились. Поднялись на третий этаж, вошли в её квартиру – однокомнатную, но просторную, со вкусом отремонтированную, студию.

– Я... – Маша театрально закатила глаза к потолку, – я... сделаю чай. Какой ты хочешь – чёрный или зелёный?

– Чёрный. Спасибо.

Я прошёлся по комнате, остановился у полка с DVD-дисками под телевизором. Присмотрелся к названиям фильмов: «Восемь с половиной», «Сладкая жизнь», «Седьмая печать», «Жертвоприношение», «На последнем дыхании», «Забриски поинт», «Школьница», «Школьница-2», «Русские студентки», «Русские студентки-2».

– Своеобразная коллекция, – заметил я.

– Ага, – согласилась Маша.

– Любишь киноклассику?

– Ты про Феллини или про «Школьницу»?

– Про Феллини.

– Кое-что. В основном – так, для самообразования.

Она заварила чай, поставила чайник на барную стойку, отделявшую кухню от жилого пространства, и села за неё на стул. Я сел напротив.

– Где твои родители? – спросил я.

Маша скорчила трудночитаемую гримасу:

– У меня нет родителей.

– Прости, я не знал... И ты живешь одна?

– Как-то примерно да.

– Разве в твоём возрасте по закону можно жить одной, без опекуна?

– По закону я живу в детдоме, – она потерла носик. – Заварился уже, наверное. Налить?

– В детдоме? – почти вскрикнул я.

– Ага.

– Ты вообще... мастер удивлять... мастерица... А здесь? – я растерянно обвёл рукой окружающее.

– Здесь квартира, которую Костя с Олегом для меня снимают. Живу, клиентов принимаю.

– А школа... Выпускной, про который ты говорила? Ты меня обманула?

– Не обманула. Выпускной в детдоме будет.

Маша разлила чай по чашкам. Мы молчали.

– Мне не верится... Ты... совсем не похожа на детдомовскую, – наконец пробормотал я.

– Спасибо.

– Нет, не может быть. Не верю.

– Почему? – Маша снова закатила глаза.

– Ты слишком развита для детдома. Там же забытые нищие троечники с интеллектом ниже среднего. А ты то и дело такие интеллектуальные штуки выдаешь, что я удивляюсь, как ты ещё не доктор наук какой-нибудь.

– Ну... – она расплылась в довольной улыбке, – возможно, тебя это удивит, но в детских домах есть библиотеки. И даже компьютерные классы с доступом в Интернет. И... В общем-то... Что ещё тебе требуется для развития интеллекта?

– Наверное... Но всё равно... Я никогда не видел ни одного детдомовца, читающего книгу. Видел только, как они бродят по улицам и просят милостыню.

– Я тоже по улицам хожу, но не за милостыней, – презрительно фыркнула она. – Ну и, если честно, кроме детдома был ещё дядя Ваня.

– Дядя Ваня?

– Я жила у него несколько лет после того, как умер папа. Дядя Ваня был очень хороший, добрый и умный. Больше всего любил читать. Многому меня научил. Но потом тоже умер. И тогда я оказалась в детдоме. Моим протестом против всего окружающего было чтение. Читала в туалете по ночам... и еще в компьютерный зал по ночам пробиралась... Наверное, только благодаря этому и смогла там выжить.

– Что случилось с твоими родителями?

– Не знаю... Наверняка какая-нибудь жизненная драма. Они всегда со взрослыми случаются...

– Ты сказала, что папа умер. А мама?

– Сначала мама умерла. Я не помню ничего. Помню, потом мы с папой переехали в деревню. Папа не работал, по-моему. Пил много. Папа держал меня в клетке. Он говорил, что собаки во дворе злые и могут меня покусать, и ещё, что мне нужен свежий воздух. Клетка была большая, но невысокая. Сначала первый год я могла стоять в ней в полный рост, а потом, когда стала быстро расти, уже приходилось все время наклоняться. Но папа никогда не бил меня. Почти никогда. А женщин, которые к нему иногда приходили – тех он бил, часто бил. И они потом уходили. У меня еще потом нога болела, помню. Я её терла руками – боль иногда проходила, а иногда нет. Потом я папе сказала о ноге – он мне тряпочку принес, сказал завязать. Я завязала, но боль всё равно не проходила. Потом папа умер, и я к дяде Ване попала. Хорошо с ним было. Очень хорошо. С ним ездили по врачам, вылечили ногу. Он много читал, много рассказывал, разного, интересного. Но потом он тоже умер. И я снова в город попала, в детдом. Потом Костя с Олегом насчет меня как-то с директором договорились, сюда поселили. Вот и живу то в детдоме, то здесь.

Я обхватил лоб руками. Как я смог всё это так удивительно точно почувствовать в ней, увидев худую фигуру в профиль, в кафе два часа назад? «Маша жердочка, тонкая палочка... Оборванное звено в обречённой цепи... Нет никого до, и не будет после...»

– Что? Не переживай так, – Маша с улыбкой тряхнула меня за плечо.

– А как ты с этими Костей и Олегом познакомилась? – Я поднял голову.

– Они сами пришли, познакомились. Друзья директора. Кроме меня там ещё три девчонки так – то в детдоме, то на квартирах живут.

– Жесть... Это вынос мозга... Так жутко всё... Что ты рассказываешь... Не верится просто...

– Вот же ж... Не жалею меня только. Ненавижу. А то опять уйду, – вдруг резко перебила Маша. – И вообще... Давай лучше о тебе. Между прочим, то, что ты тогда о себе понарасказал – вот это уж действительно жуть жуткая, в глобальном масштабе. Жутче не бывает.

– В смысле?

– Ты сам понимаешь... – многозначительно опустив голову, она медленно размешивала ложечкой чай в чашке.

– Ты имеешь в виду – о моей прошлой жизни, об Иисусе? – неестественным и словно чужим голосом проговорил я, презирая себя за то, что зачем-то пытаюсь выглядеть глупее, чем есть. Вполне справедливо удостоился молчания в ответ.

Но через некоторое время Маша заговорила снова:

– Если всё так, как ты сказал... Если всё действительно правда... Это ставит значительную этическую проблему – либо для твоей личности, либо для цивилизации. И это нельзя игнорировать.

– Вот видишь... – горько усмехнулся я.

– Что?

– Говоришь, как профессор. Как я могу после этого верить, что ты из детдома, что в детстве у алкоголика-отца сидела в клетке...

– Уже обсуждали эту тему, – она шумно выдохнула и обиженно поджала губы.

– Хочешь, чтобы я сходил с тобой в ту церковь, которая так тебя впечатлила? – спросил я после паузы.

– Ни в коем случае.

Снова замолчали. В замкнутом пространстве квартиры разговору было словно теснее, чем на улице.

– Хочу идти за тобой... туда, – Маша задумчиво повертела пальчиком и затем направила его вверх. – Воскресения, невинности и белых одежд хочу... Белых-белых... И любви... противоположной тому, что здесь этим словом называют. Здесь любовь – хватать, владеть, сжимать, сажать в клетку. Хочу наоборот – открывать, отпускать, расширять. И что-то ещё хочу, но что – назвать не могу. От чего душа внутри стонет, сжимается и переворачивается, но при этом как будто крылья вырастают и кажется, что сейчас взлетишь. От чего хочется одновременно плакать и смеяться. Хочется делать что-то ещё, но не понимаешь, что и как... От этого и классно, и хреново одновременно. И всё это после того, что ты мне рассказал и после того, как то лицо Христа в церкви на потолке увидела.

Она всхлипнула и рассмеялась.

– Ну... Веди меня. Я готова – как глупенькая долбаненькая Мария Магдалина. Даже имя подходит...

– Да... Мария... Красивое имя... – пробормотал я, не зная, что ещё сказать.

В наступившей тишине стало слышно, как в соседней квартире телевизор автоматными очередями выплевывал истеричное ток-шоу, но ни одного слова нельзя было различить. Я почему-то усмехнулся. Маша бросила на меня робкий взгляд, потом опустила глаза и тоже улыбнулась. Я подумал, что

иногда молчание бывает плотным и материальным, а иногда – прозрачным. После её улыбки плотность рассеялась.

Мне хотелось, чтобы это освободившееся молчание продолжалось. И вместе с ним – бездействие; чтобы мы с Машей сидели друг напротив друга в небольшом пространстве уютной квартиры-студии – и ничего не делали, совсем ничего. Маше, кажется, хотелось того же. Но уже через пару минут тишина и покой были нарушены – пиликал мой телефон в куртке, я, встав со стула, шел ответить на звонок, Маша, вслед за мной автоматически подскокив со своего места, решила поставить свежий чай.

На экране телефона светилось «Коханочка Леночка». Я перезвонил Лене позже вечером.

– Видела тебя по телевизору. Какой-то странный сюжет... – сразу начала она. Я почувствовал, как моё лицо густо заливает краска.

– Там какая-то... дурацкая журналистка... – тяжело дыша, выдавил я, – по-моему, хотела меня подставить...

– Честно говоря, ей это вполне удалось. Зачем ты в это полез? Хотя ладно, теперь это не мое дело. Как ты вообще?

– Я звонил тебе. Может, встретимся? Прости меня, со мной происходило что-то странное в последнее время.

– Да, странное. Я... я согласна встретиться.

Я купил Лене большой букет тюльпанов – красных, желтых, фиолетовых. Пригласил в её любимое итальянское кафе.

– Спасибо, – дежурно улыбнувшись, Лена приняла цветы и положила их на стол.

– Может, попросить вазу? – спросил я.

Подошёл официант и поставил на стол вазу, полную воды. Лена улыбнулась ему:

– Спасибо. Вы так предупредительны...

Из-за её улыбки (оказывается, такой красивой и соблазнительной – я это уже почти успел забыть!), адресованной другому мужчине, меня обдало странным щемящим чувством, для которого я даже не смог подобрать слово – не ревность, не зависть, не тоска, не обида, не печаль... а так... безымянный неуверенный слепой червячок внутри.

– Стараемся, – улыбнулся тот в ответ. – Уже выбрали?

Мы заказали спагетти. Разговор не клеился. Я думал о том, что только несколько дней назад нестерпимо хотел увидеться с Леной, говорить с ней, но теперь, когда мы сидели друг напротив друга в тихой кафешке, чувствовал себя очень неудобно – настолько, что уже несколько раз ловил себя на желании, чтобы эта встреча скорее закончилась.

– Ты случайно не видел у себя дома мой ежедневник – толстую тетрадь, в которой у меня важные записи – по работе, и другие? – спросила Лена после долгой паузы.

– Нет, не видел, – автоматически солгал я. Через несколько секунд пожалел об этом – отрезал путь к возможности расспросить Лену о её записях обо мне, моих разговорах во сне на арамейском и её встрече с раввином по этому поводу. Но было уже поздно.

Мы вернулись к спагетти. «Когда я ем, я глух и нем...»

– Знаешь... – задумчиво наворачивая на вилку последние спагеттины в тарелке, проговорила Лена, – это ведь я к тебе в квартиру тогда залезла и все там перевернула. Дневник этот искала. Такая злая на тебя тогда была... Извини. Долго потом, наверное, убираться пришлось?

– Да не очень-то и убирался, – усмехнулся я, – когда один дома – можно не стараться.

– Ну понятно, – рассмеялась в ответ Лена, – дождался холостяцкой свободы, значит.

– Нет... я соскучился по тебе, – тихо проговорил я после паузы.

– Я... тоже.

– Может, переедешь ко мне обратно?

Лена ничего не отвечала.

– Или, если хочешь – можем так встречаться. Как в начале – цветы, свидания...

Лена только слегка улыбнулась в ответ.

– Почему ты молчишь?

– У меня будет ребенок.

– Как? – От неожиданности я потерял дар речи, буквально – все слова на несколько мгновений исчезли из зоны доступности. Когда начали возвращаться, я вдруг решил уточнить: – От меня?

– От святого духа, – усмехнулась Лена. – Читала где-то, что лучший способ определить, насколько мужчина серьёзен в своих чувствах к женщине – сказать ему, что ждешь ребенка... Действительно – так и есть, замечательный способ. Всё сразу ясно. Ты побледнел так... Успокойся – я пошутила. Просто мне очень нужен был ответ на один вопрос. И я его получила.

– Лена, что ты говоришь... Прости, я просто... так неожиданно...

– Ничего, Илюша, не извиняйся. Всё нормально. Всё просто отлично. Это, наоборот, большое облегчение для меня. Лучше так, чем как-нибудь по-другому. Останемся друзьями. Не беспокойся – зла я не держу. Но сейчас – извини – пойду, – поднявшись со стула, она достала из сумочки две купюры и положила их на стол.

Я встал, чтобы проводить её, но она меня удержала:

– Пожалуйста, не надо, очень прошу... И счет ещё оплатить нужно.

И я снова сел.

Вместо того, чтобы оплатить счет, заказал пиво. Пил, то о чем-то лихорадочно думая, то впадая в бессмысленный ступор, при котором мое сознание отправлялось в некую удаленную точку пространства с царящей в ней абсолютной пустотой.

Продолжение в № 2, 2024.

